

18+ Юрий Кривенцев

В двух мирах

Грани бытия

Юрий Кривенцев

В двух мирах. Грани бытия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144763

ISBN 9785449366696

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Что будет, если вы нечаянно коснетесь величайшей тайны бытия, и вам откроется истинная природа устройства вселенной? Как поступите, если узнаете, что и над Землей, и над всем многослойным мирозданием нависла угроза низвержения, деструкции, деградации в хаос? С такими проблемами сталкиваются герои книги: программист Кирилл Панкратов и сотрудница НИИ Полина Шварц. Молодые люди узнают, что только они, двое рядовых смертных, могут попытаться предотвратить полную вселенскую катастрофу. Смогут ли они?

Содержание

ЧАСТЬ I МИСТЕРИЯ	10
Глава 1 Наваждение	10
Глава 2 Находка	58
(за пять дней до этого)	58
Конец ознакомительного фрагмента.	87

В двух мирах Грани бытия

Юрий Кривенцев

© Юрий Кривенцев, 2019

ISBN 978-5-4493-6669-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Наука не в состоянии разгадать последние тайны природы, потому что в конечном счете мы сами есть часть тайны, которую пытаемся разгадать.

Макс Планк

Когда ты постигнешь все тайны жизни, то будешь стремиться к смерти, ибо она не что иное, как еще одна тайна жизни.

Джебран Халиль

Откуда-то сверху с хищным шипением срывается ярко-синяя призрачная вспышка, вонзаясь прямо в темя жертвы.

Мужчина умирает еще до того, как тело касается пола.

Мгновенно он становится голым, беззащитным, чужим, безумно далеким, словно некий незримый чудовищный стilet отсекает саму суть его от всего земного, того, что было в прошедшей жизни.

Изменяется и окружение.

Нет, он по-прежнему видит физическую оболочку прежнего мира, которая становится какой-то пыльной, тусклой, полуреальной. Зато насколько кричащим, насыщенным, выпуклым рисуется то, что раньше было за гранью восприятия. По всему потолку, словно метровый слой буйной плесени, растет нечто белое, пушистое, дышащее. Из стен, вдоль оконных проемов, сочится густая смолообразная багровая субстанция, фосфоресцирующая нежными бирюзовыми пятнами; она стекает вниз, образуя на полу рыхлые колышущиеся сталагмиты. По полу мечутся, снуют, суется вокруг его остывающего трупа, какие-то серебристые мелкие сферы, подобные юрким ртутным каплям. Из шкафа лезет приземистое медлительное шипастое чудо, напоминающее увеличенную в тысячи раз амэбу.

Еще секунда и он видит настоящий кошмар. Прямо на него выплывает нечто бесформенное, постоянно пульсирующее. Грязно-зеленая поверхность хищника утыкана крупной желтоватой сыпью, напоминающей россыпь открявшихся гнойников. Вдоль всего тела монстра, от края до края, идет свежий глубокий уродливый диагональный шрам, сочащийся смоляной сукровицей. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: это создание – воплощение совершеннейшего, незамутненного inferнального зла, испускающее буквально физически ощутимые волны немотивированной агрессии и неутолимой жажды мучить, причинять страдания.

Он замирает в оцепенении, но тут приходит неожиданная помощь. Окружающее становится эфемерным, далеким, стирается, как рисунок на песке под порывами ветра. Связи больше нет. И его, словно невесомую пушинку, бережно подхватывает некая стихийная сила, закручивает, мягко вырывает из прежнего бытия. Все смазывается, темнеет, и он мгновенно оказывается в ином мире.

Тишина. Полная, ватная, абсолютная.

Вокруг, насколько хватает взгляда – бескрайняя равнина с очень далеким, почти невидимым блеклым горизонтом. Внизу... это нельзя назвать грунтом, скорее – однородная масса мельчайшего серебристого пепла, испещренного мелкими волнами застывших извивистых барханчиков. Над головой – глубокая холодная чернота. Далекая, равнодушная,

более чуждая, чем межзвездное пространство. Ни малейшего намека на светило. Кажется, слабым светом сочится сама эта вселенная, все вокруг пронизано приглушенным сумеречным сиянием.

То, что раньше было лишь подозрением, перерастает в уверенность: ОН УМЕР.

Прибывший видит парящее в воздухе странное дымчато-прозрачное овальное образование, зависшее в полуметре над землей. Вот еще одно, еще... их немного – десятки, может быть, чуть больше сотни.

«Это, наверное, и есть души умерших?» – уже поняв, смотрит на себя и убеждается в верности предположения.

Путь долог и скушен. Время идет и что-то меняется.

Вдалеке замаячили какие-то густые невысокие заросли. Бескрайняя, от горизонта до горизонта, полоса безжизненного желтого, всего какого-то изломанного колючего кустарника.

– *Что это?*

– *ЛЕС ЗАБВЕНИЯ*, – отвечает Проводник, – *ЗОНА, СТИРАЮЩАЯ ВОСПОМИНАНИЯ. НИ ОДНА ДУША НЕ ДОЛЖНА ПОМНИТЬ О СВОЕМ ПРОШЕДШЕМ БЫТИИ.*

Не замолкая ни на миг, зов, пульсирующий внутри, продолжает настойчиво манить к неведомой цели. Этому невозможно сопротивляться.

Поглядев направо-налево, странник обреченно вздохнул:

– Да, лесок не обойдешь. Придется топтать напролом.

– **СТОЙ НА МЕСТЕ! СКОРО ТЫ ВСЕ ПОЙМЕШЬ. ПРОЩАЙ.**

Он видел, что основная масса его попутчиков-душ, повинувшись неукротимому импульсу, уже потекла вперед, пересекая зловещие заросли, высасывающие из памяти все, что осталось от минувшей жизни.

Неожиданно почувствовалась глухая вибрация, идущая снизу, от самых основ пустынного пространства. Жуткая секундная пауза. И вдруг!

Слой грунта прямо перед ним разверзся, и из образовавшегося отверстия высунулось рыло чудовища. Огромное, похожее на заостренный нос торпеды. Резко дернувшись, монстр рванул вверх, поднявшись на высоту приличного дерева, и завис над паломником. Слепая, безглазая морда разверзлась широким пятиугольным зевом.

«Господи!» – он оцепенел на месте.

В следующее мгновение, чудище делает бросок, и душа несчастного оказывается в мягкой, беззубой пасти гигантского червя. Одно движение челюстей исполина, и тот уже внутри, в узком пищевом плотоядного. Бороться бесполезно. Медленные перистальтические сокращения продвигают его вглубь, навстречу пугающей неизвестности.

Время идет. Он преодолел уже, судя по ощущениям, очень приличное расстояние. Еще один рывок, и жертву вы-

талкивает в довольно обширное пространство.

Он бросает взгляд вокруг. Новое узилище напоминает мягкую живую пещеру, с относительно ровной нижней частью и сводчатыми стенами-потолком. Все это находится в еле заметном истовом движении. Поверхность стенок «органа» – цвета нефрита, испещренного мелкими ветвистыми прожилками. Она светится, обеспечивая довольно сносную иллюминацию.

«Что это? Желудок хищника?».

Бросив взгляд в противоположную сторону, он оторопел. У самого края камеры вяло возлежало странное, довольно крупное существо, напоминающее гигантскую мокрицу-броненосца. Его круглая голова была снабжена парой огромных угольно-черных фесеточных глаз и совершенно невозможными огромными пухлыми человеческими ярко-красными губами.

«Еще одна жертва подземного плотоядного? Очевидно».

ЧАСТЬ I МИСТЕРИЯ

Глава 1 Наваждение

Иногда мы бессильны перед судьбой, желаниями или порывами, и это мучительно, часто непереносимо.

Марк Леви

1.

Долгожданный вечер. Заслуженные выходные. Пятница – общероссийский национальный праздник. Ноги сами несут послушное тело по привычному пути.

Злой порыв ледяного, густо насыщенного изморосью воздуха чуть не срывает не по сезону легкую фетровую шляпу. Судорожным движением он ловит головной убор, водворяя его на место, и поднимает воротник плотного кашемирового пальто.

На улице пусто. Все попрятались в свои комфортабельные норы, словно в ожидании глобального катаклизма.

Только ему нипочем. Даже гнусная непогода не в силах испортить настроение.

Плевать!

Он бросает опасливый взгляд вверх, сквозь несиммет-

ричные серые урбанистические наросты многочисленных многоэтажек.

Все сплошь заволочено тяжелой, осязаемо давящей на мозг кобальтово-свинцовой субстанцией, находящейся в постоянном беспорядочном движении. Нет. Это не небо – само воплощение вселенского хаоса, равнодушного, но беспощадного.

На лацкан пальто падает первая тяжелая капля.

«Успеть бы до дождя», – он ускоряет шаг.

Одинокий прохожий движется навстречу. Высокий толстый пожилой мужчина. На вид – лет шестидесяти пяти, может больше. Не маргинал. Прилично одет. Поднимает непокрытую (в такую-то погоду!) голову и... Он никогда не видел подобного... В серых глазах странника – тень вечности, холод, какая-то люта́я безнадега, и... боль.

«Чепуха», – он пугливо отводит взгляд, – «мало ли что привидится в такой хмари?» – но в тот же миг замечает боковым зрением неестественное движение.

Странный путник замирает на месте, хватается скрюченной рукой за грудь и тихонько прилипает спиной к влажной стене.

Сердце?

– Что с вами? – молодой человек, забыв о планах, в один прыжок оказывается рядом, мягко хватая старика под локоть и осторожно помогает тому приземлиться на так удачно подвернувшуюся уличную скамью. – Вот так. Облокотитесь

о спинку.

Незнакомец не отрывает от него своих пугающих глаз. Плы его не по сезону легкого плаща пляшут под шквальными порывами мокрого ветра:

– Т-ты...

– Что?

– Я вижу тебя...

– Конечно, видите. Я же не призрак. Вам нельзя разговаривать, – он лезет в карман за мобильником. – Я вызову скорую.

– Нет.

– Что?

– Не надо звонить.

– Почему?

– Они не помогут. Это... другое. Со мной такое бывает. Скоро пройдет. Не переживай.

Начинается легкий дождь.

Молодой человек с тоской оглядывается по сторонам. Что делать с бедолагой? Лечиться не желает. Не бросать же одного в таком положении. Смущенно шепчет:

– Я хочу помочь. Только объясните, что с вами?

Пожилой человек заходится сухим кашлем, в груди что-то клокочет. Лицо приобретает синюшный оттенок:

– Если ты не Господь Бог, то не в силах облегчить мою ношу, парень. Не старайся, не лезь в чужую беду. Я наказан самим... провидением. Это Ад.

– Вы о чем? Что за наказание?

– Я вижу. Нет – ВИЖУ, некоторых. Таких, как ты, несчастный.

Слова странного человека в плаще слегка коробят его. Что плетет этот чудик? Может он – шизофреник, или выживает из ума по старости? Парень слышит свой голос, как бы со стороны:

– Что значит – вижу?

– Все, абсолютно все, что касается других. Представь на секунду стеклянный шар, насквозь прозрачный. Так вот, твоя судьба для меня – этот шар.

«Точно сумасшедший. Вот влип. Надо менять тему», – он слегка отстраняется:

– Вызвать вам такси?

– Не веришь? Ну конечно. Тогда напомни мне, кто вчера чуть не угробил казенный компьютер, а шесть дней назад переспал с женой собственного босса?

«Ё-ё!» – он уже не знает, что и думать. Престарелый «Нострадамус» не соврал, так и было.

– Но не в этом суть, – хрипит незнакомец, – все это – пустяки. А вот впереди у тебя – невероятное.

– Что?

– Немыслимое. Подобного не бывало.

В голове полный сумбур. Он на распутье, не понимая, верить ли словам чужака, или послать того подальше. Хочется просто бросить все, плюнуть и уйти. Забыть. Но врожденная

тактичность заставляет продолжать нелепый диалог:

– Ты о чем, отец?

– Скоро сам все увидишь. В ближайшие два-три дня.

– Что конкретно?

Старик подался к нему, схватил дрожащей рукой за рукав, и чуть опустил веки:

– Будут две женщины, темная и светлая, враг и друг. С них все начнется.

– Темная? Брюнетка что ли?

– Нет, – собеседник вновь закашлялся. – Темная, значит – темная. Что непонятного?

– Это все?

– Что ты? Это только прелюдия. Скоро – две смерти. Первая – уже завтра вечером.

Изнутри, из-под диафрагмы, рождается какая-то внутренняя дрожь. Парадоксально, но что-то глубинное, иррациональное, заставляет верить этому странному «предсказателю». Голос молодого человека срывается на фальцет:

– Чья смерть?

– Все зависит от твоего выбора, парень. Ты должен решить, кто умрет: ты, или твой брат.

Он отступает на шаг и нервно смеется:

– Брат?! Что за чушь? У меня никогда не было братьев. Ни родных, ни двоюродных, ни иных...

– Блажен, кто верует... Мальчик, ты плохо знаешь эту хитрую с... ку судьбу. Поверь, она умеет удивлять. Еще как.

– Ладно, а вторая смерть?

– Чуть позднее. Еще через два неполных дня. Ты будешь рядом, все увидишь. Как иначе? Ведь роковым образом твоя персона окажется в самом центре такой заварухи, которой еще не знала эта планетка. Бедняга. И не надейся, самоустраниться не получится. Придется принять бой.

– О чем ты? Можешь толком рассказать, что...

– Я и так уже поведал слишком много, – путник вдруг бодро поднялся, словно и не было таинственного приступа. – Ты все равно не поверишь, пока жизнь не заставит... Так что... иди в свой кабак. Прощай.

– Но...

Поздно. Мокрая от дождя спина незнакомого человека уже скрылась за углом безликого здания.

«Надо же, шустрый какой оказался», – сплюнув в сердцах, гоня прочь необъяснимую тревогу, он мгновенно вытеснил из памяти странный эпизод и продолжил свой путь.

2.

Зима.

Поздний вечер.

Тридцатое, Новый Год на носу. А тут такой катаклизм. Будто и не долгожданный конец декабря на дворе, а ненавистный, нелюбимый всеми фибрами души ноябрь целый день наглым незванным гостем лезет в широкое незашторенное окно стеклопакета, воет, гудит, бьет резкими злыми

шквалами холодного ливня. Да, там, за стеной он царь и бог (на какое-то время), но здесь, в тепле и уюте...

«Не дождешься!».

Да, предпраздничная погодка подвела. Где щипучий морозец, хрусткий снежок, настроение ожидания чуда? Нет ничего, только взбесившаяся не по сезону злая непогода. Хотя, для их южного города, подобные метеосюрпризы не такое уж и диво.

Зябко дернув плечами, Кирилл кисло улыбнулся, и в который раз пригубил округлый бокал с остатками терпкого «Ноя». Проверенная метода действовала. Незадавшаяся с утра цепь поганых событий (вдребезги разбитая любимая чашка (подарок покойной мамы), безобразная склока с соседкой по площадке, проблемы с шефом на работе, досадный штраф за неправильную парковку и т. д.) легкой дымкой кальянного дурмана вылетала из головы; гаденький эмбрион серой депрессии, готовой вот-вот зародиться, бесследно абортировался.

Помогало, вроде бы.

Гость бодро закончил с напитком и потянулся вилкой к жирной черной маслине (он не понимал и не принимал российскую псевдотрадицию сопровождать глоток коньяка долькой лимона, которая не только не добавляла вкусовой эстетики, но просто убивала особое послевкусие выдержанного нектара).

«А, гулять, так гулять!» – заключил отдыхающий и зака-

зал у подоспевшего официанта еще порцию напитка, – «сегодня для меня это не алкоголь, а лекарство».

Тишина.

Скрипнув креслом, мужчина оглянулся (он сидел в самой глубине зала, спиной к входной двери), будучи в кафе единственным посетителем (только низкорослый сонный бармен за стойкой меланхолично доводит до идеального блеска очередной питейный сосуд). Это хорошо. Почти как дома. Сейчас ему не нужны посторонние.

Кто-то скажет: «пьет один, значит – алкоголик» и будет неправ (эх русские, русские, как мы обожаем эту безапелляционность). Сколько себя помнил, Кирилл, не будучи по натуре одиночкой, тем не менее, не любил праздновать в компаниях. Почему? Во-первых, в подобных застольях кто-нибудь обязательно напивался (а чаще и не один), со всеми вытекающими (не будем перечислять), во-вторых, обилие настойчивых провоцирующих тостов частенько приводило к тому, что и он сам иногда «перебирал» (чего совсем не любил), в-третьих, на определенной стадии пирушки общая группа пьющих неизбежно разбивалась на многочисленные кампашки «по интересам» со своими мелкими тягучими разговорами-проблемами, ни одна из которых не была ему симпатична. Оставалось одно: уходить по-английски.

А если так, для редко выпивающего эстета-гедониста есть только два выхода: или в одиночку (что сейчас и происходило), или вдвоем с настоящим другом, который тебя понима-

ет во всем. Откровенно говоря, второй вариант – идеальный. Только вот поганый фатум иногда сует свою скотскую рожу в твою судьбу, выискивает слабое место, гадит, и глумится, скотина. Был у него единственный друг, нет – ДРУГ, Генка (все понимал человечиче, словно брат-близнец), да унесла нелегкая беднягу.

Кто-то скажет: как это – один друг? А у нормального человека много друзей быть не может (один-два, не больше; все остальное – так, товарищи). Невозможно и противоестественно распахивать душу для всех. Если ты светел, если ты один раз в жизни сказал «люблю» и идешь с этим человеком плечом к плечу вплоть до золотой свадьбы (а может и до бриллиантовой), это счастье, любовь, планида. По этим же причинам у честного перед собой человека могут быть лишь единицы друзей, НАСТОЯЩИХ. Речь идет не о том маргинальном мусоре, готовым любого встречного назвать «друганом». Слово «друг», как и «любовь» – святые, их ни в коем случае не стоит обесценивать, затирать (хотя частенько именно это и происходит). Для порядочного человека это штучный товар.

Дождь с новой силой тупой стихии забарабанил по черному стеклу, рождая на той стороне сотни извивистых дорожек влаги, причудливо искажающих стройную иллюминацию уличных фонарей.

Подоспел заказ.

Он взял розовобокую грушу из фруктовой вазы и с насла-

ждением откусил такой приличный кусок плода, что сладкая влага сочного продукта не удержавшись внутри, потекла сквозь губы. Машинально воспользовавшись салфеткой, он блаженно откинулся на спинку сиденья и, закрыв глаза, продолжал наслаждаться вкусовой истомой.

И тут...

Звякнув бамбуковыми «трубками ветров», дверь распахнулась. Спину обдало свежим сквозняком.

«Принесло кого-то, мать его!» – молодой человек слегка напрягся и в ту же секунду почувствовал нечто. Это была ни с чем несравнимая сложная волна дерзких ароматов, берущих не только за душу, а еще глубже, за самую суть дикого глубинного естества. Что-то волшебное, будоражащее, и в то же время до дрожи близкое. Тут было нечто морское, свежее, дерзкое с легкими нотками тропических масел и настойчивой (но не навязчивой) стрункой чего-то тяжелого, животного, возбуждающего. Казалось, что именно так пахнет живая русалка.

Пауза... и легкий стук каблучков.

Не в силах оглянуться, он скосил глаза и оцепенел замороженный. Мимо прошествовало совершенство. Сперва мужчина подумал, что это его собственная галлюцинация, фата-моргана (как у Блока в «Незнакомке»), но, увидев потрясенный взгляд бармена, его отвисшую челюсть, понял – все реально.

Сказать, что девушка была изумительной красоты –

не сказать ровным счетом ничего. Кирилл мог похвастаться популярностью у особ прекрасного пола и бесстыдно пользовался этим. Он не смог бы припомнить даже приблизительное число своих интимных побед, давно сбился со счета, но никогда, ни разу в жизни не встречал женщины столь идеальной, вызывающей, божественной красоты. Да что тут... Такое не опишешь на бумаге, это надо видеть.

Ангел!

Нет!

Как раз наоборот. Было в этом создании нечто дьявольское, inferнальное, темное, грешное, подвигающее любого на подвиг, безумство, преступление... Затасканное и новомодное выражение «женщина-вамп» совершенно не дотягивало до колдовской сути этого существа.

Невесомой поступью нимфа прошла мимо, обдав его новым шквалом фантастического аромата, и опустилась неподалеку, за двухместный столик около окна. Скинув вымокший насквозь плащ на спинку соседнего стула, она с облегчением вытянула длиннющие ноги, взмахнула гривой мокрых темно-каштановых волос (вызвав этим движением мини-радугу из туманной взвеси над головой, как нимб у святого) и потянулась по-кошачьи, выгнув узкую спину и выставив напоказ потрясающую грудь в скромном декольте. Причем проделано все это было с такой естественной детской непосредственностью, будто все эти действия не могли вызвать сильнейшую гормональную бурю у мужчин, присутствовав-

ших рядом.

О, женщины...

Стоило ей обратить узкое точеное лицо в сторону стойки, как в ту же секунду перед красавицей материализовался официант с возбужденно открытым ртом (запямятовав, наверное, дежурную фразу положенного представления).

Дева досадливо дернула губой (очевидно, для нее подобная реакция особей противоположного пола была не в диковинку) и произнесла:

– Мне глинтвейн, пожалуйста. Погорячее.

Ее голос, идущий откуда-то из-под диафрагмы, низкий, на границе драматического сопрано и контральто, с легкой хрипотцой, настолько возбуждающе подействовал на него, что растерянный молодой человек ощутил вдруг спонтанную эрекцию.

Что делать?

Он, будучи «охотником» по натуре, уже понял, что не отступит. Но вот тут возникали два вопроса. Во-первых, как подойти? Да, у него в запасе сотни надежных дежурных фразочек для знакомства. Но здесь другое. И слепцу было ясно, что перед ним находится не банальная фемина¹, а нечто выдающееся, Афродита. И пытаться подкатить к такой грации с пошленькой репликой, типа: «Привет! Я один из тех надоедливых уродов, кто считает, что вы потрясающе красивая» было бы верхом идиотизма. И, во-вторых, что делать, если

¹ **Femina** – женщина по английски (прим. автора).

отошьет (а это весьма вероятно)? Над вторым вопросом Кирилл мучиться не стал, трезво рассудив, что уж об этом будет время поразмыслить, если до того дойдет. Примет – великолепно! Если откажет – он или напьется, или повесится, или... гм, и то, и другое одновременно. А вот задача, как предстать перед полубогиней – действительно проблема. Он должен: а) привлечь ее внимание; б) потрясти, в) оставаться интересным в течение всей беседы.

Девушке, тем временем, доставили заказ. Мужчина обратил внимание, как мелко дрожит рука гарсона, держащая поднос.

«Бедняга. Ему-то каково?».

Обхватив озябшими узкими ладонями ножку затейливого хрустального сосуда, она поднесла его к лицу, вдыхая запах пряностей, чуть улыбнулась и выпила залпом.

«Вот это да! Он же горячий. Там не менее 70 градусов по Цельсию. Как она глотку не обожгла?».

Девушка расслабленно откинулась на спинку стула и облизала влажные пухлые губы длинным, неестественно алым языком.

Поняв вдруг, что он вот-вот взорвется от возбуждения, Кирилл отвернулся и стал усиленно вспоминать, что он вообще знает о женщинах? Первое, что пришло в голову – его личное открытие, сделанное относительно недавно: как это ни обидно, но во всех амурных зачинаниях ВСЕГДА ВЫБИРАЕТ ЖЕНЩИНА. Да-да, как бы мы, мужики ни хорохори-

лись, как бы не ходили «петухами», решая, с какой «курочкой» замутить, это чушь, жизнь – не курятник. Девушка всегда делает вид, что выбор за тобой (таков сложившийся тысячелетний стереотип межполового поведения), но это устоявшаяся масштабная иллюзия.

Незнакомка тем временем вновь подозвала мастера подносов:

– Кофе, пожалуйста.

– Какой изволите?

– Черный, много сахара и...

– Что?

– Дабы не терять гармонию с предыдущим напитком, добавьте немного корицы и гвоздики.

Официант умчался выполнять приказ королевы.

Молодой человек продолжил мысль:

«И как бы я не был убежден, что я, я, я нашел ее, сделал своей женой, любовницей (или кем там еще?), это глупейшая коллективная ошибка нашего пола. В действительности все наоборот. Как ты не добивайся девицы, как ни увивайся за ней, но все получится (или не получится) именно тогда, когда она примет решение, достоин ли ее этот красавец? И обратный случай. Давай представим, что ты равнодушен к даме, но вот она выбрала тебя. Ха-ха, мой богатый жизненный опыт показывает: как ты ни упирайся в этом случае, как не игнорируй, но процентах в восьмидесяти подобных эпизодов девушка добивается своего».

Вновь метнув взгляд за вожденный столик, он увидел, что красotka уже пьет американо. Ее разгоряченные вишневые губы целовали край фарфоровой чашки, словно шею любовника. Ноздри тонкого носа трепетали, наслаждаясь феерией пряных запахов.

Кирилл безумно хотел ее, желал, все больше и больше. Не сексуально, не плотски, об этом он и не мечтал (пока). Просто приблизиться, поговорить. А уж одно прикосновение к этой смуглой бархатной коже щеки было бы равносильно оргазму.

И тут его вдруг как молотом шарахнуло: если выбор всегда за представительницей слабого пола, то выходит, что все наши поползновения, отчаянные попытки добиться благосклонности вероятно, не так уж и важны. Ведь в то время, когда мы выворачиваем наизнанку свою фантазию, возможно, она уже определилась с выбором?

«А что я теряю, бес возьми?! Если от меня почти ничего не зависит, то и вибрировать нечего. Решать ей».

Внутри, за грудиной, разом образовалась звенящая пустота, стало заметно легче. Он чуть слышно крякнул и одним махом осушил бокал с янтарным напитком.

«Деньги!» – стрельнула в мозгу паническая мысль. Сунув руку в карман, он с облегчением убедился, что бумажник со всем его содержимым на месте.

«Сейчас. Еще немного, и я...».

Темноволосая фея медленно подняла голову, смахнув

указательным пальцем тяжелую прядь, закрывавшую поллица. Густые, трехсантиметровые ресницы взметнулись вверх, и ему прямо в душу вонзился взгляд двух огромных миндалевидных глаз.

«О, Боже! Они фиолетовые».

Не в силах оторвать взора от пары нестандартного цвета радужек рассеченных тонкими вертикальными кошачьими зрачками, он вдруг понял, что сделает для нее все.

Губы красавицы раскрылись с коротким:

– Да.

Кирилл хотел ответить, но на миг онемел, не в силах взять под контроль органы артикуляции.

«Да что это со мной?!» – он мысленно дал себе звонкую пощечину. – «Мужик я, или кто?!».

– Ч-что? – тем не менее, его голос дал «петуха».

– Я говорю «да», – собеседница по-лисьи прищурила глаза.

– Н-не совсем понимаю вас.

– Да ладно, не приbedняйся. Разве ты не пытаешься уже четверть часа сочинить трюк, как похитрее познакомиться со мной. Я просто экономлю время и щажу твои нервы.

– То есть – да?

– О, Боже! Все же в подобных отношениях все мужчины туповаты (не обижайся). Не зря говаривал старик Фолкнер, что иная 16-летняя девушка в вопросах любви будет поумнее 60-летнего мужика. А теперь раскрой уши или читай

по губам: да, я согласна провести с тобой вечер.

«Вот это поворотец! Сама нимфа зовет на свидание».

В такой ситуации, от нахлынувшего счастья, Кирилл мог бы и растеряться вначале, сказать какую-нибудь глупость, или уронить что-то, но спасла изрядная доза выпитого коньяка, которая напрочь отключила совершенно неуместное в подобных ситуациях Супер-Эго². В результате, волнение как рукой сняло, через секунду он уже чувствовал себя в родной стихии соблазнения.

– Так, значит, к вам можно присоединиться?

– Во-первых, кончай «выкаты», на свидании это глупо, во-вторых, зачем спрашивать, если я тебе уже ответила?

Мужчина зачем-то сгреб со столешницы свой опустевший бокал и приткым кузнечиком переметнулся за вожденный столик соседки:

– Позволь представиться. Я – Кирилл, программист.

Он замешкался, не ведая, стоит ли ручкаться.

– Эмма, – девушка вывела его из оцепенения, протянув тонкую изящную кисть, – ну а род моих занятий, уверена, интересуется тебя в последнюю очередь.

Мужчина нежно принял руку (на удивление холодную) и чуть прикоснулся губами к тыльной стороне. Первый контакт! В голове все смешалось, казалось, его мозг сейчас превратится в кисель от томного блаженства, взгляд уперся

² Супер-Эго – упрощенно говоря «рассудочность», противопоставляется под-сознанию (прим. автора).

в кольцо, украшенное чистейшей воды аметистом, идеально соответствующим по цвету глазам хозяйки.

С трудом оторвав уста от мраморной кожи, он прохрипел:

– Что будешь пить?

– То же, что и ты.

«Простой коньячище такому дивному созданию не пойдет. А, где наша не пропадала?!» – он куражисто вскинул длань и объявил подоспевшему служаке:

– «Курвуазье», бутылку.

– Какой марки, извините?

– ХО, Imperial.

Глаза официанта округлились от восторга, казалось, в каждом его расширенном зрачке золотом высветился знак доллара. Он залезил:

– К этой элитной покупке у нас полагается презент из французской сырной тарелки и композиции швейцарского шоколада.

– Тащи!

Чувствуя ее ответную симпатию, Кирилл постепенно успокоился, окончательно пришел в себя. Нет, его неожиданная знакомая сводила с ума его все больше и больше, но по химическому велению все его страхи, комплексы, мандраж, улетучились бесследно (алкоголь действовал безотказно). Сейчас работал чистый разум и богатый опыт в купе с brutальным подсознанием – идеальное трио для соблазнения. И в этой ситуации так неожиданно нахлынувшая

влюбленность, делала его только привлекательнее.

Налив соседке и себе, лихо выпив (за знакомство, разумеется), он протянул ей фаянсовое блюдо:

– Попробуй с шоколадом. Очень вкусно.

– Милый, закуски изобрели для того, чтобы отбивать неприятные вкусовые тоны дешевого алкоголя. Напитки такого класса, что мы пьем сейчас, не закусывают, принципиально. Это все портит.

Разговор шел удивительно легко и приятно, словно с давно знакомой одноклассницей, а не «мисс гипервселенная». Он понимал, что основная причина этого – старания его партнерши (как оказалось – великолепного психолога), умело дирижирующей беседой, тонко уводящей от неприятных и неудобных тем.

Хотя разок она удивила.

В тот момент, когда в кафе ввалилась компания из трех здоровяков явно криминального призвания, она, бросив на них острый взгляд, произнесла, продолжая начатый разговор:

– Сегодня ты уже неоднократно называл меня неземной, божественной, ослепительной и т. д. Раскрою тебе древний женский секрет: все это только ваши, мужские стереотипы. Истинная натура типичной женщины совсем иная: больше жесткости, расчетливости, трезвого прагматизма. Пойми, по природе своей она не может быть «неземной», или «божественной» (я не в буквальном смысле).

– Поясни.

– С рыцарских времен полагается идеализировать образ любимой дамы (и конечно, нам это нравится, что уж тут спорить). Но если быть откровенным, естество женщины принципиально иное.

– Не понимаю.

– Хорошо. Как ты относишься к проституткам?

У Кирилла отвалилась челюсть.

Секундная пауза показалась вечностью.

«Во влип!» – он внутренне остолбенел. – «Да если она... на такую у меня точно не хватит. Блиииин, что делать?!», – окончательно отчаявшись, мужчина решился со стоном: «квартиру продам!».

Эмма вдруг по-детски брызнула непроглоченным коньяком (это было совсем не «комильфо») и звонко расхохоталась. Она уже начала фразу, а в ее гортани все еще звенели серебряные колокольчики:

– Ну, ты красава, Кириллка. Балда! – она игриво потрепала его по чубу, – а ведь и вправду поверил, что я... Небось, уже и в долги влезть собирался? Ха-ха!

– Да я...

– Не крути, у тебя на лбу все написано было. Так вот, не переживай, не являюсь я жрицей любви и никогда не имела отношения к этой самой древней профессии. Я о другом хочу...

Красавица вальяжно откинулась и положила ногу на ногу.

Ее колени под колготками телесного цвета сияли в приглушенном свете, как некая скульптурная композиция райского обещания.

«О, Господи! Как Ты мог создать такое совершенство?!» – не отрывая зачарованного взгляда от ног собеседницы, программист впал в экстатический ступор.

Опять пауза.

– Кирюш, ау!

– Гм. Так о чем? Извини, потерял нить разговора.

– Это серьезная тема, а тебя, я вижу, весьма отвлекает мое тело, думать мешает. Отвернись, пожалуйста, на пять минут, да, вот так, вместе со стулом, включи мозг, и мы продолжим.

Он послушался, тут же почувствовав облегчение внизу живота.

Эмма заворковала:

– Все просто. Это все извечный театр полов, разыгрываемый нами (женщинами) уже тысячелетия. Дама старается выглядеть «небесной», «эфирной» только потому, что кавалерам, дуракам, это нравится. Вам нужен не партнер, а предмет обожания. Это глупо. Частенько случается так, что проходит время и «предмет обожания» становится-таки «партнером», начинается банальная семейная жизнь. И вот отсюда рождаются все мужские проблемы и разочарования.

– То есть, ты хочешь сказать...

– Да, да. Повторяю: **МЫ НЕ ТАКИЕ**. Эволюционно, на протяжении десятков тысяч лет складывалось так, что

мужчина был охотником, добытчиком в семье, а женщина – хранительницей очага, той, кто готовит, стоит у горячего котла, выметает грязь из пещеры, заботится о детях, убирая какашки и т. д. Откуда здесь, бес подери, возьмется «неземная», «возвышенная»? Вот ты говорил: в межполовых отношениях всегда выбирает дама. Подтверждаю: так и есть!

«Что-то не помню, чтобы я ей это излагал», – растерянный собеседник еле поспевал за мыслью девушки.

Та продолжала:

– Да, да, ты прав, издревле выбирали женщины. И кого же они предпочитали? Легко понять. Вначале того, кто сильнее, кто сможет защитить ее и детей (и кто, карамба, посмеет обвинить нас в этом расчете?!), а в дальнейшие эпохи (и по сей день) – того, кто богаче, надежнее, вернее, то есть того, кто станет крепостью вокруг ее мирка семьи, не даст в обиду, обеспечит достойную жизнь. Вбей ты себе в голову, наконец, это закон, сформированный эволюционно: **ЖЕНЩИНА МЕРКАНТИЛЬНА, ПРАГМАТИЧНА, РАСЧЕТЛИВА**. Романтика и цветочки – последнее, о чем она думает (хотя никогда не откажется от этого). Усвоил?

– Вроде бы.

– А сейчас вернемся в наши дни. Когда бесхребетный неудачник называет проституткой свою бывшую за то, что она ушла, в конце концов, к тому, кто способен дать достойную жизнь ее детям, я не виню эту несчастную, понимаю ее. Повторяю: женщина выбирает и имеет на это право, тем

самым она борется за счастье своего потомства; это ее святое древнейшее предназначение. Она обязана быть такой, не имеет права на слабости. И если уж на то пошло, так это среди мужчин гораздо больше лириков и фантазеров (потому они и хотят видеть в своих избранницах собственное отражение).

– Н-да, – Кирилл озадаченно почесал маковку, – убедительно. Ну а как же любовь?

– Любовь – это прекрасно, волшебно, божественно, но только пока она длится. А затем...

– Что?

– Знаешь не хуже меня. Тебе уже наверняка под тридцатник будет. Насмотрелся, наверное, на примерах знакомых (а может и своем собственном). Что-то мне подсказывает, что мой собеседник до сих пор не женат, точнее, готова биться об заклад – в разводе. Я давно заметила: подавляющее большинство прочных стабильных браков – те, что были заключены по расчету хотя бы одного из двух будущих супругов. Ну, а теперь поворачивайся, незнакомый знакомец и давай выпьем. Хватит на сегодня серьезных разговоров.

Тост, звон бокалов... и тут...

Прямо перед ними выросло... как бы это помягче... пьяное здоровенное быдло.

Громко перешептывающаяся троица «братков» уже давно беззастенчиво посматривала на его спутницу, наверняка испытывая к ней не менее яркие чувства, чем сосед-собесед-

ник, только терпения у распоясавшихся бухих упырей было заметно меньше.

В метре от красавицы, с трудом удерживая равновесие, стоял нехилый мордоворот (очевидно, выбранный остальными парламентаром):

– М-м.

– Чего тебе? – программист сам оторопел от собственной дерзости. В эту секунду ему открылось, что такое – древнее пещерное право защищать свою самку.

– Да я не к тебе, утырок, ик... – троглодит даже не удостоил его взглядом. – Дамочка, э, гм, братва просит... Короче – айда к нам. – Он протянул свою лапу к локтю девушки.

Кирилл мгновенно озверел. Если б он был медиком, то понял бы на собственном примере, что такое состояние аффекта. Сейчас ему было все равно, сколько дюжих ублюдков стоит перед ним. Ни капли страха, только звенящая ярость, полностью накрывшая сознание. Ни единой мысли, лишь желание бить, рвать, крошить, убивать.

Даже выдавший виды бандюган слегка отступил, увидев интеллигентного «фраера» в таком состоянии.

И вдруг – резкая звонкая пощечина. Его разгоряченная скула узнала очертания ее узкой холодной кисти.

– Стой! – Эмма не говорила – шипела, словно кошка. Ты можешь все испортить, – она схватила его за уши, притянула к себе, касаясь лицом лица. – Слушай, я все улажу. Ты сейчас идешь в туалет, выкуриваешь половину сигареты и воз-

вращаешься.

– Так они ж тебя...

– Милый, ты меня совершенно не знаешь. Поверь, я могу постоять за себя. Не волнуйся, со мной ничего не случится. Гарантирую, когда ты вернешься, их тут уже не будет.

– Не верю. Я тебя не оставлю!

Еще одна хлесткая пощечина:

– Клянусь, все случится так, как я сказала, – девушка была похожа на фурию: фиолетовые кошачьи глазищи, растрепанные волосы (даже пьяная братва притихла, наблюдая такое).

Длинная, длинная пауза, единожды нарушенная конвульсивным «ик» бритоголового «посла».

Парадоксально, но Кирилл вдруг поверил, что одна субтильная нимфа сможет дать отпор группе социально-опасных отморозков. Добила его следующая фраза:

– Если ты меня сейчас же послушаешь, то, когда вернешься, мы тут же едем к тебе. Согласен?

– Шантажируешь?

– Точно.

Пауза.

Третья пощечина, жгучая, злая:

– Согласен?!

– Д-да, – он не понимал, как смог выдавить это слово.

– Тогда – пошел! – она с усилием толкнула его в спину.

Туалетная комната. Вокруг белый, ослепительно чистый,

давящий на глаза кафель. И на фоне этой стерильной белизны унитаза плавает, как в проруби, одинокая несмытая кашка.

Тесно. Очень тесно. Хочется выйти и бежать туда, к ней.

«Нет!» – он с трудом подавляет приступ ложной клаустрофобии, – «я дал слово и... верю в нее», – мужчина сам удивился своей последней мысленной фразе.

Опершись ладонями о раковину умывальника, бросив растерянный взгляд в зеркало, он не узнал человека в отражении: всклокоченного, напряженного, с пунцовыми щеками и дикими безумными глазами. Наверное, так мог бы выглядеть его пещерный пращур, если того побрить, помыть и облачить в приличный костюм.

«Все, успокойся, истерик...».

Вдруг он вспоминает про отведенное ему время.

Курить не хочется. Он знает, что полсигареты – это 30 секунд. Начинает отсчет.

Странно. Дверца в клозете хлипкая, салон рядом, но снаружи ничего не слышно, ни женских визгов, ни мужской брани, ни других (упаси Боже) звуков. Он терпеливо ритмично считает, гипнотизируя непотопляемую фекалию в «толчке».

Наконец-то достигнув нужной цифры, он с наслаждением жмет на «смыв», толкает створку ногой и бегом влетает в зал.

Да-а...

Как это понимать?

Эмма в прежней позе, спокойна, расслаблена. Единственная разница – курит черную сигариллу (батюшки, как ей это идет!). Легкий дымок развеивается перед совершенно неподвижным амимичным лицом, словно ветер времени, пред ликом Сфинкса.

В холле никого, даже обслуга попряталась куда-то.

Неожиданно дверь распахивается и та самая небритая харя «парламентера», растерянная, обескураженная, орет визгливым голосом до смерти перепуганного ребенка:

– Сумасшедшая, с... ка!!!

Девушка бросает рассеянный взгляд на оратора и створка тут же захлопывается.

Кирилл в недоумении:

– Что ты сказала им?

Нимфа вскидывает глазищи в показном удивлении:

– Я не понимаю, чего ты больше жаждешь, меня, или раскрыть тайну исчезновения этих троглодитов?

Он задохнулся от предстоящей перспективы:

– Т-тебя, конечно.

– Тогда едем. Такси я уже вызвала.

Она поднимает бокал, над которым все еще вьется тонкий сизый дымок раковой палочки:

– Ну что, выпьем на дорожку?

3.

В авто они еще пару раз приложились к бутылке, и если

на мужчину это практически не повлияло, то дама стала значительно веселее и легкомысленнее. Слушая ее удивительно остроумные шутки, едкие замечания о «бравых бандюганах», звонкий раскатистый смех и прочую развеселую чепуху, он понимал, что подшофе она нравится ему еще больше (хотя куда еще-то?).

Все, почти дома.

На площадке, пытаясь попасть ключом в дверной замок под приглушенное хихиканье подруги, он услышал скрип соседней двери. Баба Шура, его неизменный соглядатай, цербер и судья совести, окинула их презрительным взглядом, скривила и без того сморщенное личико и прошипела по-змеиному:

– Ну, Панкратов, совсем до ручки дошел.

Он не понял, чем вызван неадекватный спич пожилой женщины. Батюшки! Не она ли десятки раз наблюдала, как он с завидной регулярностью водил в свою квартиру разнообразных симпатичных девиц: беленьких, желтеньких, черненьких. И никогда подобное асоциальное поведение соседа не вызывало таких язвительных замечаний добропорядочной пенсионерки. А тут – идеальное воплощение всего женственного, и на тебе, не оценила старая рухлядь.

Все происходило быстро, стремительно. Никакой прелюдии, только вожденная цель и прямой путь к ней.

Он не помнил, как они разделись, как рухнули в объятьях

в постель. Только тот же волшебный аромат, заполнивший все вокруг.

Ее влажные ищущие губы беззвучно шепчут что-то.

Боясь увериться, что это просто сон, он на миг слегка отстраняет ее, стараясь запечатлеть в сознании. Бесстыдная полная луна (древний символ женского начала) нагло подсматривает в отворенную форточку, озаряя партнершу магическим неестественным светом. Кожа девушки лучится, словно налитая энергией ночного светила.

Тело напрягается целиком, как в пароксизме. Он желает ее, зовет, алчет. Обладание такой богиней – немыслимо. В груди, как в паровозной топке, пылает разгорающееся пламя темного и неукротимого полового голода.

Нимфа слегка отстраняется, одновременно приобнимая его за шею, игриво вороша волосы на затылке, делает невозможное змеиное движение... и тут... полный контакт! Он чувствует ее всю. Горячая желанная плоть прижимается, содрогаясь от страсти, манит, зовет, нет – требует решительных действий.

Охваченный лихорадкой дикой разнузданной похоти, он властно обнимает тонкую талию и запрокидывает легкое тело на себя. Полные, округлые, идеальные груди нависают над лицом, колышутся, просят ласки. Он рвется вверх, бережно охватывая зубами ягодку напряженного, набухшего соска, и гостя сдавленно стонет от наслаждения.

Ее влажные горячие губы мечутся по шее, груди, живо-

ту мужчины, все ниже, ниже, подводя симфонию тайнства к крещендо. Опытная маленькая рука опускается и мягко охватывает до крайности напряженный орган любви. Через секунду на месте ее пальцев оказываются уста, язык.

«О, Боже!».

Он задыхается от наслаждения, едва сдерживаясь, боясь поторопиться с феерией, способной превратиться в фиаско, но опытная фея чувствует тело партнера лучше, чем он сам. Она тонко дирижирует физиологией возбужденного самца, его готовностью к слиянию, вовремя отпуская напряжение или доводя до пика.

И вот – перемена. Неуловимым кошачьим движением она хватает любовника за плечи и требовательно заваливает на себя. Ее тело трепещет от чистого дикого древнего желания, готовое к соитию, длинные ноги уже, оплели мужской торс. Бедра развратно раздвинуты, как распустившийся цветок (тот же орган любви) плоть к плоти, пламенное влажное лоно алчет принять мужское начало. Она полностью раскрыта ему. Каждое действие прелестницы кричит: «Давай! Я не могу больше ждать!».

Он еще в нерешительности, не в силах осознать происходящее. Но в ту же секунду требовательное нетерпеливое женское движение станом (словно наездник, пришпоривший коня), и тут же он коротко подается вперед, совершая то самое древнее действо и... входит в Рай.

Вот оно!

У-у-а-х-х!!! – ее вздох идет словно из его легких.

Конвульсивный прерывистый всхлип, трехсекундная пауза (он знает, она была нужна ей) и «наездница» уже всю погоняет «коня».

Где-то на грани разума он понимает: да, так и должно быть. Конечно, такая женщина может исполнять, подчиняться, улаживать, но ее истинная стихия – доминирование, первый номер. Такой расклад совершенно не задевает его. Ради этой Афродиты он готов на все, нет – на ВСЕ, на любые эксперименты и жертвы.

Еще. На этот раз резче, глубже. Ей мало и этого, пылающая утроба жаждет вечного движения, она начинает работать сама, приучая партнера к своему, нужному ей ритму. Он подчиняется, неожиданно понимая, что когда любишь по-настоящему, главное удовольствие – доставлять наслаждение не себе, а своей половинке.

И вот они сплетаются в единое целое (как у Шекспира: «зверь о двух спинах») в древнем мудром беспощадном танце прелюбодеяния.

– У-м-м-м! – женский сдавленный стон такой первобытной истомы, что от экстаза единения их тела, до самых пяток, синхронно покрываются гусиной кожей.

Процесс разгорается, она становится все неистовей, намааникюренные ногти нещадно царапают его спину до багровых борозд, зубы впиваются в плечо с такой силой, что свежая кровь из открывшейся ранки стекает прямо на лицо хищни-

цы.

Он неумолим, как тот самый «конь», которого пришпоривает амазонка. Ритм все выше, выше, выше...

Он внутри нее, не только физически – ментально, ощущает все струны похоти любимой, следит за ними, длит их, подводит к апофеозу. Все смешалось, сейчас трудно сказать, кто конь, а кто возница? Но это уже никого и не волнует. Главное – гармония секса.

С каждым нарастающим движением он чувствует приближение кульминации (не своей – ее (это главное), он сделает все, чтобы она пришла к финишу первой).

И вот оно...

Женщина начинает кричать, задыхаясь хрипами оргазма.

Все. Теперь пора! Наконец и он себе тоже может позволить желанное... Электрическая волна проходит от диафрагмы к причинному месту, стремительно усиливаясь и... долгожданная серия судорожных толчков, извергающих продукт любви.

Чувствуя это, она крепко оплетает его всеми конечностями и тонет в очередном оргазме.

Пауз (к которым он привык в общении с иными партнерами) практически не было. Эта разгоряченная ненасытная бестия не позволяла ему такого блага. Стоило расслабиться после очередного физиологического взрыва, вздохнуть пару раз, как ее горячее, мокрое от пота тело вновь приникало к нему, лаская, возбуждая, неизменно рождая очередную

волну дикого желания.

Сладкая пытка начиналась сначала, но каждый раз по-новому. Он и представить не мог, на что способна умудренная опытом фантазия этой искусной обольстительницы, этой жрицы сакрального таинства божественного соития.

Безумная мистерия единения длилась почти до утра.

Но все проходит. И вот они, удовлетворенные и утомленные, замирают на миг в объятиях, и тут же их накрывает спасительный флер глубокого забытья.

4.

Усталый, истощенный любовью организм рухнул в глубочайший сон без грез. Это напоминало бесконечное падение в бездну покоя, наполненную безликой аморфной неосязаемой мглой, где малейший звук, запах, или иной раздражитель был просто немислим.

Блаженное отдохновение в колыбели Гипноса³ продолжалось не более двух часов, а когда первые лучи рассвета начали тревожить зрительные рецепторы мужчины, его блуждающее в эмпириях призрачных миров сознание неожиданно встрепенулось и выдало напоследок короткое финальное сновидение.

Весна. Теплый ласковый апрель.

³ **Гипно́с** (др.-греч. «сон») – в древнегреческой мифологии персонификация сна, божество сна (прим. автора).

Он на рыбалке.

Ни ветерка. На зеркальной глади озерца ни малейшей ряби. Заросли камыша справа, слева, на противоположном берегу совершенно неподвижны.

Полная тишина.

Еще минута, и давно светлеющий горизонт на востоке рождает первый проблеск – вестник грядущего светила. Это еще не рассвет, только его прелюдия.

По телу пробегает легкая дрожь экстаза. Наступает любимая минута рыбака-эстета – то шаткое равновесие между мраком и светом, дремой и бдением, тот временной рубеж, когда природа вот-вот готова проснуться, вспомнить себя.

Но все преходяще. Совершенно неуловимо минуют те чудные секунды, и вот волшебной золотой колесницей в тусклую завесь низких облаков врывается рассвет, окрашивая их в роскошную длинноволновую гамму цвета, от бледно-пурпурного, до кричаще оранжевого. Мир просыпается, раскалывая сонную довлеющую тишину сотнями разнообразных птичьих трелей.

Здравствуй, утро!

Он почти не дышит, замороженный апофеозом очередного рождения, но вдруг...

Поклевка!

Поплавок беснуется, как эпилептик. Подсекать нужды нет. Добыча села прочно, надежно, не вырвется.

Он плавно тянет на себя.

Ого! Ну и силища! Килограммов на 5 выйдет.

Осторожно...

Вот тот пример, когда необходим правильный баланс между азартом и терпением, иначе...

Он знает, что делает, и потому исход борьбы предрешен. Несколько минут неторопливого вываживания, и вот уже искрящееся всеми оттенками радуги влажное чешуйчатое тело бьется в рыболовном сачке, разбрасывая во все стороны мириады искристых капелек влаги.

Что за чудо! Он никогда не видел такой рыбины. Потрясающая красота. Просто невозможное совершенство исходило нежной перламутровой аурой, как святой – нимбом. Кажется, это существо забрело сюда ненароком из древней сказки или иного мира, в тысячи парсек отсюда. Это не добыча, это мечта, которая принадлежит не ему – вселенной. Разве можно позволить, чтобы такой шедевр попал на сковородку?

Жаль, нет фотоаппарата или смартфона, чтобы запечатлеть невиданное диво.

Водоплавающее тревожно зыркнуло круглым фиолетовым глазом с вертикальным зрачком (рождая в душе какое-то смутное воспоминание) и он принял решение.

– Живи, красавица! – человек осторожно, чтобы не навредить извлекает крюк из губы животного, опускает сачок и пытается осторожно высвободить добычу.

Чудо-рыба конвульсивно дергает телом и, рождая новые радужные тучи брызг, устремляется в недолгий полет к водной стихии. Вот она уже касается игристой глади и тут... Судорожный рывок хвостом и острый длинный шип на плавнике (как его раньше не заметил?) распахивает его ладонь чуть ли не до кости.

– Ах ты!!! – он прижал руку к животу, пытаясь остановить хлещущую кровь, и в ту же секунду проснулся.

Дрема слетела мгновенно, словно утренний туман под порывом речного ветра.

Бросил взгляд на свою десницу. Цела (ну конечно), но фантомная боль еще чуть ноет где-то в глубине мышц.

«Эмма!» – он тут же вспомнил произошедшее накануне, с каким-то щемящим восторгом и иррациональным чувством тревоги. Бросил взгляд на постель. Пусто.

«Неужели сбежала?!».

Ухо уловило затихающие звуки душа из ванной комнаты.

«Здесь, милая», – он сладко потянулся и замер в ожидании утренней встречи.

Минута, другая.

За матовым стеклом двери уже различимы смутные очертания тела.

Створка распахнулась до отказа и...

«О, Господи!!!»

То, что испытал в эту секунду счастливый любовник, мог

пережить, пожалуй, только герой какой-либо гоголевской страшилки.

Красавицы не было.

На ее месте, обернутое в его любимое синее полотенце стояла отвратительная старуха лет шестидесяти пяти. Реденькие крашенные волосы, блеклые водянисто-серые глаза, сморщенная бледная розетка губ, напоминающих клоаку, сухое, будто обожженное скуластое лицо, испещренная сетью морщин дряблая шея, полное отсутствие женских форм, неказистый, похожий на несимметричную корягу костяк, тонкие конечности с вздутыми суставами.

«Батюшки святы! Что это за недоразумение? Откуда оно взялось?! Где Эмма?».

Не в силах вымолвить ни звука, Кирилл судорожно выдохнул и инстинктивно отстранился.

Хитро взглянув на него, пожилая женщина расплылась в гаденькой улыбке, демонстрируя желтоватые (но ровные) зубы:

– Что, Кирюша, не узнаешь?

«О чем это она?» – он прокашлялся, и сипло выдавил:

– Что вы имеете...

– Вот те раз! Мы снова на «Вы?» – голос собеседницы скрипел, как несмазанное колесо телеги. – А ведь не далее, как вчера, я была для тебя единственной, несравненной, богиней. Знала я, что мужчины легкомысленны, но чтобы так... – бабулька театрально поднесла руку ко лбу в показ-

ном отчаянии.

И тут Панкратов будто под пресс попал, увидев на костлявом скрюченном пальце вознесенной кисти престарелой гостьи то самое кольцо с благородным аметистом.

«Боже... Боже! БОЖЕ!!!».

Это был шок.

Странные слова старой дамы плюс камень... Паззл сложился, но не укладывался в голове.

ТАКОГО ПРОСТО НЕ МОГЛО БЫТЬ!!!

Может это просто жестокий розыгрыш?

Пауза.

Карга молчит, ухмыляется, наслаждается реакцией несчастного.

Мужчина заставил себя проблеять:

– Вы хотите сказать, – голос дрожал, как у 5-летнего мальчишки, увидевшего болотную гадюку, – что вы...

– Да, да, тупица ты этакий. Я – та самая Эмма, с которой ты зажигал всю ночь, шалунишка, – собеседница лукаво подмигнула. – И, насколько разбираюсь в мужчинах, был в восторге, даже более того. Так что же поменялось, любимый? Иди ко мне – в конец изгаляясь над беднягой, бабка ехидно протянула к нему свои дрожащие ручонки.

Кирилл оцепенел, поняв, что еще одно движение полоумной старушонки, и он выпрыгнет в окно.

– Ладно, страдалец, – женщина вдруг закашлялась, как чахоточная, – не трясись, ухожу я. Только понять ты должен,

иногда человеку дается такое блаженство, за которое он просто обязан платить. А уж как... это ты сам скоро поймешь. Потерпи малость. Пойду, переоденусь.

Через бесконечно долгую минуту его визитерша предстала в своей прежней одежде.

«Кошмар!» – он не верил глазам, не понимая, как шелковую блузку и черную кожаную мини-юбочку размеров XS, блистательно сидевших на вчерашней прелестнице, смогла натянуть на себя эта... колода. Странно, будто на нее и шили.

В полной тишине вчерашний ловелас смотрел на пожилую даму, не в силах оторвать глаз.

Бзды-ы-ынь!!!

Звук резанул по нервам, как циркулярная пила. Вздвигнув, покрывшись испариной, он вдруг понял, что это всего лишь входной звонок.

– Сиди, сиди, милоч, я открою.

Створки распахнулись, невысокий кряжистый курьер вкатил внутрь здоровенный металлический шкаф идеально кубической формы, примерно метр на метр габаритами.

– А вот и мой заказ, – суетливо заскрипела престарелая «Эмма», сунув рабочему купюру и быстро вытолкав того взащей. – Бери, любовничек, пользуйся, дарю. Еще спасибо скажешь.

– Что это?

– В этом волшебном ларце то, без чего тебе не прожить

в ближайшие сутки. Не маленький, сам разберешься. Мой тебе совет: не выходи из дома, пока... хотя, ты и не сможешь. Ну да ладно, задержал ты меня. Дел полно. Бывай. Удачи (ха-ха, что я несу?).

Кирилл нашел в себе силы на прощальное:

– Надеюсь, мы больше не увидимся.

Старуха аж присела от восторга:

– Ой, уморил. Нет, конечно же. Не до того тебе будет, если выкарабкаешься. Ха!

На том входная дверь захлопнулась, оставив героя в одиночестве.

Первое, что он сделал, после ухода глумливой карги – метнулся к входу и закрыл металлическую дверь на все засовы. «Вот это попадалово!».

Во рту было гнусно. Ему казалось, что он всю ночь глотал помой, убежденный, что пьет божественный нектар и только утром узнал истину. Что ж, по сути, так и было.

Так, наверное, чувствует себя пес, обнаружив, что найденная аппетитная косточка оказалась лишь пластмассовым муляжом.

Вселенная перевернулась, в голове все плыло. Что думать, как реагировать? В мозгу ржавым гвоздем сидел вопрос: с кем он был ночью, и откуда такая перемена?

Наваждение!

Пройдя на кухню, жадно присосался губами к крану с ледяной водой, выпив, наверное, не меньше литра, упал на та-

бурет, тупо уронив голову на стол и попытался осмыслить произошедшее.

Первое, что приходило в голову: «такого просто не может быть», второе: «может она ведьма?», третье: «наркотики?».

Нет, в бесовщину он не верил, а наркотой не баловался ни разу в жизни. Могла ли она подсыпать зелье в алкоголь вчера... Нет, отпадает, ведь он изначально увидел ее супер красавицей, еще до того, как девушка смогла бы что-либо предпринять.

«Думай, Палыч, думай!».

Но поразмыслить толком не вышло.

Буквально через минуту с его телом начало твориться нечто пугающе необъяснимое.

Сначала показалось, что все кругом мелко мерцает тонким фиолетовым крапом. Далее – назойливый звон в ушах, резонирующий, ритмично нарастающий и отступающий, словно колокольный набат. Затем – зуд по всему телу, легкий, еле заметный, не раздражающий, словно тебя касается крыло ангела.

Так продолжалось около получаса. После того, как все эти напасти закончились, исподволь начала наступать главная беда. Сначала очень захотелось перекусить. Но нет, легкий аппетит, относительно того, что настигло его телесную оболочку, был подобен хлипкому пламени свечи по сравнению с таежным пожаром.

Неожиданно, ни с того, ни с сего, на него напал зверский

пещерный голод. Казалось, в его чреве вакуум, требующий немедленного заполнения, словно, желудок трансформировался в небольшую «черную дыру». Это было непривычно, жутко, пугающе. И жор нарастал неумолимыми темпами. Он понимал, что это ненормально, противоестественно и, возможно, идет во вред организму, но, как говаривал старик Фрейд: «доводы разума бессильны против наших страстей».

Так и вышло. Борьбы не получилось. Через пару минут бедняга опрометью бросился к холодильнику.

– Ё-ё!

Что можно найти внутри этого бытового прибора у типичного закоренелого холостяка. Кусок прогорклого сливочного масла, остатки майонеза в пластиковом ведерке и толстый слой наледи в девственно чистой морозилке. Даже хлеба в хлебнице не было.

Жестокий облом.

«Срочно в супермаркет!» – кляня себя за злокачественное бытовое разгильдяйство, молодой человек метнулся к гардеробу.

И тут...

Неожиданно, словно дар Неба (или преисподней?) он услышал отчетливый запах съестного. Тонкий, обильный, разнообразный, он шел из вентиляционной перфорации загадочного шкафа-посылки, торчащего посреди прихожей.

Хромированная металлическая ручка резала глаз яркими бликами, будто шептала: «открой меня». Рядом – электрон-

ный датчик массы содержимого: 84,0 кг. Странно, это же точный вес его, Кирилла Павловича Панкратова.

Он понимал, что все неспроста, что происходящее – нечто дьявольский план, он влип, и его загоняют в какую-то чудовищную ситуацию (в мозгу взорвался вдруг яркий образ: некий конопатый мальчуган-садист терпеливо подталкивает пальцем пойманную муху с оборванными крылышками в банку с сидящим внутри богомолем).

Ужас в том, что ОН СОВЕРШЕННО НЕ МОГ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ все нарастающему желанию к поглощению.

Голод подступил с новой, невиданной доселе силой, кожу прошиб липкий холодный пот, руки тряслись, как у паркинсоника, откуда-то изнутри вдруг вырвалась волна неконтролируемой агрессии неизвестно на кого, тело стало ватным, словно чужим и он вдруг понял, что еще десяток минут, и он провалится в забытье⁴.

Это было полное фиаско воли перед желаниями.

Кирилл вяло сполз на пятую точку и, не медля ни секунды, рванул на себя металлическую ручку посылки. Вертикальная створка тут же отворилась, вывалив на хозяина содержимое.

Вот она, мечта алчущего!

Он сидел на полу, по бедра засыпанный разнообразней-

⁴ Здесь описаны медицинские признаки резкого падения уровня глюкозы в крови, что в худшем случае чревато гипогликемической комой и даже смертью. Лучшая помощь при данном состоянии – съесть или выпить чего-либо сладкого (прим. автора).

шим съестным. Чего тут только не было: запеченная птица, колбасы, буженина, молоко, сметана, сыры, хлеб, вакуумные упаковки с семгой, разнообразными салатами, жареной картошкой, куча сладостей и фруктов и масса бутылок с минералкой и соками.

Повинуясь спасительному инстинкту, он схватил огромную шоколадку и, торопливо избавившись от упаковки, стал жадно грызть твердую массу, временами запивая водой.

Через пару минут заметно полегчало.

Все, начало положено. Он капитулировал и теперь уже не был способен остановиться.

Только одна мысль: «ЖРАТЬ!».

Наступил черед других продуктов, среди которых наш гурман отдавал предпочтение мясным и молочным.

Почувствовав первые признаки сытости, он взглянул перед собой и обомлел: полностью обглоданный костяк курицы, половинка сырокопченой колбасы, упаковка от пармезана, две пустые бутылки из-под молока и куча фольги от исчезнувших в его утробе сладостей. Кирилл не поверил бы, что в человека сможет влезть столько.

Плевать! Наконец-то ощущение сытости.

Он не помнил, сколько находился в состоянии блаженного забытья, но вскоре его вновь разбудил проклятый неутолимый голод.

Все начиналось сначала.

Мозг словно отключился. Окончательно поработанный

инстинктом, он уже не понимал, что делает, По-прежнему сидя на полу, в гряде продуктов и их отходов (начинающих напоминать горку из опрокинутого мусорного бачка), сплошь перепачканный пищевыми соками, соусами, жиром и проч., он ел и ел, ел и спал, спал и ел, напоминая пещерного троглодита, упивающегося убитым мамонтом.

Человеку неприятно, когда он уступает своим низменным порывам. Слишком мягко сказано? В действительности, это был настоящий кошмар, который впоследствии совершенно не хотелось вспоминать.

Наконец все съестное закончилось. В ту же минуту, как по команде, прекратились муки голода. Вновь включилось сознание.

Посмотрев на себя и вокруг, Кирилл ужаснулся. Его бы вырвало от омерзения, если бы все еще жадный до кушанья желудок не держал поглощенное при себе.

Единственным положительным моментом всего этого сумасшествия плоти было то, что в процессе противоестественного пожирания он великолепно выспался.

Но в шок беднягу повергло не гигиеническое состояние окружения (а-ля: свинья в нечистотах), а колоссально, непомерно выросший живот, нет – пузо, нет – БРЮХО! Огромное, раздутое, неподъемное, по своим размерам оно приближалось к массе самого хозяина. Хотя, что тут удивляться, если, судя по датчику веса, он съел ровно столько, сколько весил сам. Не будучи медиком, он, тем не менее, не понимал,

как такое могло произойти буквально за несколько часов?

Обжора судорожно икнул.

Вот это состояньице: тяжесть, слабость, ужасная одышка...

Надрывно вздохнув, чуть не плача от свалившегося на него букета несчастий, попытался встать. Куда там, с таким-то грузом.

Поскользнувшись на остатках чего-то съеденного, он упал и отключился.

Придя в себя, жертва переедания почувствовала несказанное блаженное облегчение.

«А возможно и не было ничего? Может это просто кошмар?».

Разомкнув веки, он убедился, что все реально. Правда, налицо было одно существенное, пожалуй – фантастичное изменение. По сути, всего две новости: хорошая – он избавился от «злокачественного ожирения», его тело вновь стало прежним (слава небесам!); плохая – ужасный 84-килограммовый «нарост» не исчез, он каким – то образом отделился от хозяина и лежал посреди спальни, напоминая огромный переполненный бурдюк телесного цвета.

подавив острое желание немедленно принять душ, Кирилл встал и осторожно приблизился к пугающему образованию. Кожистый мешок был живым! Он вибрировал, сокращался, пульсировал. Почувствовав взгляд человека, «сущест-

ство» замерло и вдруг... пукнуло. Шокированный Панкратов убедился, что у его незваного гостя появилось что-то, вроде анального отверстия. Присмотревшись, он понял, что данное изменение не единственное. Под кожей наблюдались множественные уплотнения, напоминающие костные образования, тело было уже не столь сферическим, в нем можно было выделить несколько разновеликих фрагментов. Короче, «бывшее брюхо» явно эволюционировало и это, несомненно, напрягало наблюдателя. В голову лез логичный вопрос: в кого превратится, в конце концов, эта жуть?

«Да и хрен с ним. Не могу больше терпеть», – плюнув на все, мужчина метнулся в ванную.

Когда очистившийся и посвежевший, насухо высушенный колючим полотенцем (не тем, которым пользовалась лукавая старушка, упаси Боже!), он заглянул в спальню, перед ним, пялясь на хозяина чистыми глазами орехового цвета, стоял абсолютно голый... человек. Метаморфоза завершилась. От жутковатого куска протоплазмы осталась лишь обширная лужа пахучей слизи на ламинате.

Это было уже слишком.

Кириллу вдруг показалось, что его сознание взяли и выжали насухо, словно лимон. Мозг, перегруженный массой навалившейся невероятной информации, не поддающейся логическому анализу, объявил натуральную забастовку.

Сейчас несчастный желал только одного: пусть все произошедшее окажется всего лишь жутким сном, кошмаром.

Морально истощенный, готовый вот-вот впасть в прострацию, он обессилено прислонился к косяку.

«Новорожденный» что-то квакнул, осваивая артикуляцию, и вдруг произнес на чистейшем русском языке:

– Ну что же, здравствуй, брат!

Что-то было не так в нем. Что-то...

Взгляд Панкратова метнулся к зеркальной поверхности раритетного трюмо и обратно – на гостя.

«О, Господи!».

Перед ним стояла его абсолютная копия.

Это было последней каплей.

Глава 2 Находка

(за пять дней до этого)

Ты живешь счастливой, беззаботной жизнью, не думая о будущем и вдруг сталкиваешься с темной чарующей тайной. Начинаешь копать в поисках истины, тратишь энергию, время... Но подумай, если вдруг откроешь правду, понравится ли тебе она?

Из беседы мясника с поросенком

5.

Словно тяжелый чугунный маховик, предновогодний корпоратив медленно, но неотвратно набирал обороты. Уже позади были самые скучные стадии торжества: скованное нетерпеливое ожидание первых тостов от начальства, нуднейшая вереница протокольных речей, ритмично пересыпаемых крикливым тамадой с его глупыми прибаутками, робких братаний малознакомых членов огромного коллектива...

Вот теперь, собственно, вечеринка только начиналась. Слегка выпивший, повеселевший народ расслабился. Самые дерзкие уже игнорируя непрекращающуюся череду застольных «ораторов», стали спонтанно разбиваться на много-

численные группки, выпивая-закусывая, поддерживая собственные, куда более живые темы бесед.

Короче: со скрипом преодолев официальную часть, вечеринка плавно трансформировалась в пьянку, которая шла уже вовсю, хотя время разудалых танцев еще не пришло.

– Эй, полюшко-поле! Что сидишь такая кислая? – уже порядком заложивший за воротник сосед по столику старший лаборант Борька Стелькин одарил ее широкой толстогубой улыбкой. – Оглянись, родная. Велело же...

Полина растерянно отвела глазки, как-то съежилась вся, на скулах заиграла зарница. Непривыкшая к вниманию противоположного пола, она всегда терялась в подобных ситуациях.

– Да ладно, Поль, – наседали раздухарившийся «кавалер», подавшись к ней через заставленный разнообразной снедью стол, – я точно знаю, что тебе сейчас категорически необходимо – выпить. Прими содержимое этого кубка, не как ядовитый сок зеленого змия, а как волшебный катализатор человеческого общения.

– Не пью я.

– Поверь, это не просто поможет, более того – ты станешь другим человеком, – старлаб бросил взгляд на наполненный бокал шампанского, зажатый в бледной лапке смущенной девушки, еще ни разу не пригубленный и разочарованно присвистнул. – Да, мать, тяжелый случай. Теряем пациента. Нужна немедленная реанимация.

– Отстань, Стелькин, – робко пискнула Полина. Ее взгляд заметался по огромному залу. Она уже жалела, что пришла сюда.

«А могла бы остаться?» – мелькнуло в голове. Нет! Она не железная. Сколько можно? У нее уже не было сил выносить тот перманентный кошмар, свидетелем и постоянным участником которого она являлась у себя дома. Да, конечно, это ее долг, но... Боженьки, есть же пределы любому терпению. Очень долго внутри у нее росло напряжение, все выше, выше... Она задыхалась. И что самое страшное – не было никакой надежды... А вчера, когда неожиданно получила дежурное приглашение на официальный новогодний банкет, внутри будто сломалось что-то. Этот кусочек картона был как билет на волю (пусть и временный). И она, терзаясь, кляня себя за трусость, предательство, сбежала-таки из дома, чтобы забыться хотя бы на пару часов.

Борис тем временем не унимался. Он грузно встал, тяжело вздохнул, словно инквизитор, готовящийся к крайней мере и, не отрывая карих глаз от несчастной коллеги, звонко постучал вилкой по своему стакану.

Ближайшее окружение смолкло.

– Товарищи! Друзья! – его писклявый тенорок вдруг приобрел театральную серьезность. Толстые, словно сардельки пальцы сжимали вспотевшую стопку водки. – У меня тост!

Пройдоха обвел народ умильным взглядом и произнес:

– Разве есть в этом мире кто-то, любимее наших родных?

Разве есть в этой жизни что-то, ценнее здоровья? Так вот. Давайте каждый из присутствующих выпьет до дна за здоровье своих самых близких. И пусть в бокале каждого останется столько капель, сколько бед и болезней он желает родным.

Подлый тост.

Пирующие одобрительно загудели и приступили к поглощению горячительного.

«Вот мерзавец!» – Поля видела, что настойчивый сосед по столу не сводит с нее своих темных глаз за толстенными линзами очков. – «Как он мог так угадать? Ведь не знал же... Хотя, уверена, что-то подобное он говорит на каждой вечеринке». Как ни старалась забыть, она вновь вернулась мыслями домой, к отцу, прикованному к постели. Рак, будь он... четвертая последняя стадия.

Девушка вдруг почувствовала, что изнутри подкатывает... Если она сейчас что-то не сделает – разревется.

«А что, собственно? А вдруг...» – она жадно опрокинула в себя бокал, проглотив содержимое двумя огромными глотками, не чувствуя вкуса, затем перевернула сосуд и вытрясла остатки на язык, не оставив ни одной капли. Конечно, суеверие, жалкая попытка обмануть судьбу. Но в данной ситуации она не могла поступить по-другому.

Вскинув лицо, она встретила опешивший, какой-то винюватый взгляд Бори, словно тот, вдруг понял что-то.

Смущенный мужчина растерянно отвел глаза, крикнул и на весь вечер оставил соседку в покое.

Непривычный к действию алкоголя девичий мозг стремительно оккупировался винными парами. Находясь в полуступоре, она услышала громогласный вопрос Сергея Михайловича, директора НИИ, восседающего во главе стола:

– А где наша звезда науки, Ишим Тариэловна? Такое мероприятие просто невозможно без персон подобного масштаба.

И заискивающее зама по АХЧ:

– Уже идет, Сергей Михалыч. Через минуту будет. Только что звонила из кабинета. Там у нее форс-мажор, какой-то неотложный эксперимент. Уже закончился.

Полину вдруг замутило. Осторожно, стараясь не привлекать ничьего внимания, она поднялась из-за стола и потихоньку ретировалась.

Наконец-то одна.

В полутемном коридоре было не так душно. Пройдя до ближайшего окна, она распахнула створку стеклопакета и с наслаждением вдохнула чистый морозный воздух. Стало полегче. Первый этаж. Рядом – ряды припаркованных авто, ровный строй фонарного освещения вдоль тротуара и ни единой снежинки. Вчера был ливень. Сегодня подморозило и, как результат – страшнейший гололед. Трудно представить, сколько автомобилистов пострадали от сей стихии.

Немного придя в себя, девушка поняла, что если продолжит «наслаждаться» уличной прохладой, то рискует завтра слечь в постель с простудой. Нет уж, одного лежачего в их

жилище более чем достаточно.

Захлопнув окно, она повернулась и уставилась в оказавшееся напротив огромное стенное зеркало.

Настроение (и так поганое) стремительно опускалось ниже паркетного покрытия. Даже в щадящем полумраке было видно, насколько неказисто, нелюбимо эстетикой это создание. Невзрачное бледное лицо, блеклые серые глазки, крохотный носик кнопочкой, слишком пухлые щеки, слегка скошенный подбородок. Фигура? Куда там? Точнее – ее отсутствие: плосковатая, сутуловатая, вся какая-то напряженная, как воробушек на морозе.

Она помнила, какого моря слез, выплаканных в подушку и скольких злокачественных пожизненных комплексов, стояла ей эта внешность. Только после 25-ти она немного смирилась, сжала зубы и решила жить, а не существовать. Не хоронить себя заживо, а быть – такой, какой она является. Иного не дано, увы.

После учебы она пошла в науку, надеясь реализовать себя на этом высоком поприще. Будучи от природы трудолюбивой и далеко не глупой, быстро защитила кандидатскую и... на этом все закончилось. Правда, тогда еще заведующий их отделом, Петр Осипович, регулярно обещал ей старшего⁵, но вот не складывалось. Как-то так получалось, что в этой должности ее обходил то один, то другая более «достойные»

⁵ **Старший научный сотрудник** – должность в НИИ, эквивалентная должности доцента в ВУЗах (прим. автора).

коллеги, пока однажды, ныне покойный Владимир Иванович Башалов (большой умница, добрейшей души человек и откровенный пьяница) не раскрыл ей истинное положение дел.

– Пойми, девочка, – шептал он, – наш академический мир, это не эмпирии высокого духа (как считают некоторые наивные восторженные души), это серпентарий самовлюбленных, заикливых на самоутверждении нечистоплотных личностей и их прихлебателей. В научном плане Россия – азиатская страна, где в каждом ВУЗе или НИИ сидит свой бай в чалме и творит все, что пожелает. Они сами себе князьки, их никто не контролирует (как в прежние времена). Примерно то же и с кадрами (то есть – с нами, сирыми), выше продвигают не того, кто более достоин, а того, кто одарен подлой судьбой хотя бы одним из двух качеств: или знатными родственничками, «мохнатой лапой» (повторяю – Азия), или обладает даром нравиться, льстить, лизать ж..., извини (это, кстати, не только девочек касается).

Чем дольше работала Полина, тем больше убеждалась в правоте мудрого алкоголика.

Жизнь текла потихоньку, без взлетов, но и без падений, пока не нагрязнула эта беда с папой...

Да, счастье не для нее – для других.

Возвращаться на гульбище не хотелось совершенно.

Решительно отвернувшись от зеркала, она медленно побрела по коридору, не представляя собственно: куда и зачем?

Шаг, другой, каблучки цокают, отдаваясь в напряженном

мозгу (она уж и не помнит, когда в последний раз это напряжение покидало ее?).

Что это?

Слегка приоткрытая дверь.

Ба! Да это кабинет Ишим Тариэловны. «Иштар», как за глаза прозвали сотрудники эту неординарную женщину. Всего полгода назад она, уже в ранге мирового светила, сама бросила работу в Гейдельбергском университете, и попросилась в их НИИ сенсорики⁶ человека (единственный в стране), возглавлять отдел ольфакции⁷. Вот была сенсация (об этом даже по центральному ТВ что-то вещали)! Разумеется, ее взяли не раздумывая. И за такой короткий срок своими новыми открытиями и многочисленными зарубежными публикациями этот талантливый в. н. с.⁸ вывел названный институт на экстра уровень. На нее лично и все руководство их НИИ посыпался золотой дождь из валютных грантов и премий. Конечно, директор института, Зобнин Сергей Михайлович, был более чем доволен новой сотрудницей.

Правда, не обошлось и без обиженных. Бывший заведу-

⁶ **Сенсорика** – (от лат. *sensus*, «восприятие») наука, изучающая непосредственное восприятие ощущений, внешних воздействий. В физиологии сенсорика функция нервной системы, заключающаяся в восприятии раздражителей (прим. автора).

⁷ **Ольфакция** – наука, связанная с запахами, их значениями, целями, ценностями и их ролью в коммуникации (прим. автора).

⁸ **Ведущий научный сотрудник** – должность в НИИ, эквивалентная должности профессора в ВУЗе (прим. автора).

ющий, вышеупомянутый Петр Осипович Меньшой, чье место заняла титулованная уроженка Ирана, сначала был глубоко оскорблен неожиданным понижением в чине, долго дулся (говорят, даже писал жалобы в министерство), но затем, ближе познакомившись с новой начальницей, он, как порядочный человек, полностью признал безоговорочный приоритет конкурентки, и как руководителя, и как ученого. Успокоившись, Петр Осипович попытался самоустраниться, но Тариеловна показала себя еще и как великолепный психолог, буквально пленив своего предшественника открытостью, немного лестью (мол, мы без вас не обойдемся) и каким-то только ему одному видимым обаянием. В результате, Меньшой сам не заметил, как стал ближайшим соратником и верным помощником «узурпаторши».

Из широкой щели приоткрытой двери профессора мягко лился приглушенный свет.

«Гм, интересно».

Полина робко заглянула внутрь (скромная забитая девушка ни за что бы ни решилась на такое вопиющее правонарушение, но все еще играющий в крови дурной алкоголь придушил вдруг извечный страх запретного, обострил женское любопытство).

В кабинете тишина и полумрак. Только ярко светится работающий монитор персонального компьютера заведующей (очевидно, хозяйка помещения, настоятельно требуемая директором, вышла буквально минуту назад, не ранее; за боль-

шее время комп по умолчанию перешел бы в спящий режим).

Взглянув на экран, Полина обомлела. Вся плоскость ЖК-пластика была усеяна убористым текстом совершенно неизвестного вида и характера.

Тайна!

Она впервые видела эти загадочные знаки, напоминавшие что-то среднее между древнеиндусскими письменами и шумерской клинописью. Но самое странное – нигде в тексте не наблюдалось ни единого разрыва или пробела. Сплошная убористая россыпь непонятных символов. Странно, она была уверена – так не пишут ни на одном языке.

Что это?

И тут ее осенило: криптограмма, или, говоря проще – зашифрованная тайнопись.

В пытливом мозгу девушки проснулся настоящий бешенок. С самого детства (лет с шести) она с азартом «болела» расшифровкой разнообразных крипто-писмен. В этом увлечении не было ничего удивительного, ее отец был выдающимся криптографом (никому неизвестным, к сожалению, так как работал в некоей строго засекреченной государственной конторе). Именно он и привил страсть девочке к этой своеобразной науке. Исподволь, начиная с примитивных загадок из детских журналов, он вел ее все дальше, не уставая удивляться способностям юной дешифровщицы. Как-то раз он, без малейшего намека на шутку сказал, что еще немного,

и одаренная ученица превзойдет своего учителя.

Короче, Полина знала толк в подобных головоломках, но настоящий, рабочий зашифрованный документ встречала впервые в жизни.

Нельзя сказать, что девушка совершенно не думала о том, что случится, если ее застукают? Просто она хорошо знала Ишим. Директор не отпустит ее из-за стола без речи, это точно. А уж если она начнет говорить, на спич уйдет не менее четверти часа. Так что время есть.

Хмель подавил остатки волнения. Совершенно спокойно она «прокрутила» колесиком компьютерной мышки документ от начала до конца. Так, шесть страниц. Дальше совсем просто – достала свой смартфон и сделала шесть последовательных снимков.

Все?

Нет!

Какой-то гадкий чертенок подмывал ее к следующему рискованному шагу. Достав из сумочки флешку, она вставила ее в порт компа и стала лихорадочно шарить по дереву проводника электронной машины, стараясь найти в папках на жестком диске что-либо, подобное уже обнаруженному транскрипту. Так, наука, гранты, статьи, отчеты, проекты и проч. Ничего интересного.

Полину будто подтолкнуло что-то – это все банальный диск-хранилище. И тут на память пришел недавний нечаянно подслушанный разговор прохиндея Стелькина с товари-

щем, где упомянутый Боря признавался, что надежнее всего хранить скачанное из Интернета порно на системном диске рабочего компьютера, туда никто даже и не подумает заглянуть. А вдруг... Кликнув по значку с символом «С», лазутчица разочарованно вздохнула. Ничего. Стоп, а если... посмотреть в скрытых файлах этого диска? Привычным движением она отдала команду: «показывать скрытые файлы и папки» и тут же увидела искомое. Вот она! Единственная папка-портфель, название которой построено из тех же загадочных символов.

Спасибо, Борис!

Не сомневаясь ни мгновения, она быстро скопировала сокровище на флешку и извлекла ее.

Все. Бежать!

Стоп! Ее будто вел кто-то, не позволял делать ошибок.

Она вновь метнулась к работающему компьютеру, закрыла все окна (кроме того, что было активным изначально) и вновь включила функцию скрытых файлов.

Так, теперь все чисто.

Задыхаясь от собственной дерзости, она шустрой мышкой выскользнула из чертогов начальницы.

6.

Все. Дома.

Старенькая двушка на первом этаже встретила ее привычным уютом и стерильной чистотой (как в операционной).

– Добрый вечер, Полюшка, – промурлыкала пожилая сиделка-медсестра, тихая, опрятная, полненькая, удивительно терпеливая женщина. – Как отдохнула, милая?

– Ох, Вера Ивановна, в двух словах не скажешь, – девушка бросила короткий взгляд на дверь отцовской спальни. – Как папа?

– Как... Сама понимаешь, милая, лучше не будет. Страдает, болезный. Но недолго уж... Господь приберет.

– Я зайду к нему?

– Не надо, дочка. Не беспокой. Его только что уколола. Сейчас полегчает. Может, Бог даст, заснет. Иди, отдыхай. А я домой.

– Спасибо вам... за все.

– Эх, Полечка, была бы мамочка твоя рядом, насколько легче было бы, – в полголоса пробормотала женщина, но увидев бешеные глаза молодой хозяйки, поняла, что сморозила глупость. – Ох, дитяtko, прости, ради Господа. Плету невесть что, старая дура.

Входная дверь тихо закрылась.

На глазах выступили слезы смертельной обиды, из тех, что не прощают никогда.

«Мамочка... кукушка!» – она в сердцах швырнула пуховик на вешалку. Попала, надо же?

Как давно она не вспоминала об этой... женщине. Но вот напомнили добрые люди.

Былые годы...

А ведь как все хорошо начиналось. Конец восьмидесятых. Они были счастливы вдвоем (а были ли?). Жизнь налаживалась. Благодаря отцу, с его высокой должностью на сверхсекретной гос. службе – роскошная квартира, безумно высокая зарплата (по тем временам), да еще бесплатный паек и куча льгот. Мама в нем души не чаяла: Андрюсик, зайка и др. Супруга сидела дома, как выражалась: «следила за порядком». Хотя, больше не следила, а организовывала. Львиная доля этого самого порядка обеспечивалась малолетней дошкольницей Полей (попробуй, послушайся – немедленная оплеуха).

Потом случился 91-й год, развал империи. Это отразилось на всем, в том числе и на папиной работе. Его не уволили (слава Богу, слишком высоко поднялся до этого), но жалование сильно сократили.

И началось.

Нет, папочка был прежним: добрым, мягким, ласковым. Но вот родительница кардинально изменилась.

Для подросшей и уже кое-что понимавшей Полины, ежедневные мамины скандалы на голом месте, были тяжелой детской травмой. Разумеется, основная причина придинок сводилась к дефициту финансов. Хотя, что замечательно, сама мамочка работать так и не пошла. Правда, все чаще стала пропадать неизвестно где.

Отец терпел, молчал.

А через месяц случилась маленькая катастрофа. Родительница объявила в категоричной форме, что завтра улета-

ет в Израиль, на перспективную работу. Документы ей уже оформил некий друг. Конечно, тут же последовало дежурное: «как только я там обустроюсь, тут же оформлю вызовы и вам, не сомневайтесь».

Самое смешное – они поверили, отпустили без разговоров.

Сначала из тропической страны приходили регулярные письма все с теми же заверениями. Потом поток корреспонденции стал стремительно таять, пока не прекратился вовсе. Лишь через шесть месяцев отец узнал, что к тому времени его шальная супруга переехала в штаты.

На робкие вопросы девочки о маме, Андрей Шварц с неестественной уверенностью (он никогда не умел врать) говорил, что мамочка их любит, скучает, хочет вызвать к себе, но в Америке, к сожалению, очень строго с въездными визами.

Денег не хватало. Дошло до того, что квартиру пришлось продать, обменяв на нынешнюю. Зато финансово стало значительно легче (вырученных средств хватило на какое-то время). Девушке даже удалось поступить в университет.

Только потом, лет в семнадцать, она всерьез начала копать сама. Подключила друзей компьютерщиков из ВУЗа, и очень быстро выяснила правду: ее биологическая мать живет в Канзасе, в законном браке с каким-то жирным американцем, специализирующимся на продаже кукурузы. Вот так. Родная мама и жена забыла их, предала, поменяла

на глянцевою забугорную жизнь.

Вот это был удар!

А ведь формально эта женщина еще с отцом не развелась. Девочка поняла, что ее родительница никогда не любила папу, просто использовала его, когда был нужен. Прагматизм, расчетливость... Где-то мы уже об этом слышали. Может это и неплохие качества для женщины, нужные, только если она не законченная эгоистка с каменным сердцем и атрофированным материнским чувством. Это существо, как рыба-прилипала, нашла, кого использовать снова. Она жила только для себя, совершенно забыв о своих самых близких, выкинув их из памяти. Да, случаются такие нелюди.

Поля не сообщала ей о болезни отца. И твердо решила – когда случится страшное – не напишет. Зачем тревожить абсолютно чужого человека проблемами посторонней семьи?

«Живи мамочка, счастья тебе...».

Она тяжело опустилась за стол.

Снова одна.

Одиночество, настоящее, безысходное. Кто-то может предположить, что по-настоящему одиноких людей очень мало. Это неверно. Стоит вспомнить об огромной когорте обделенных судьбой невзрачных непривлекательных девушек, женщин, старых дев, пожилых вдов, неудосужившихся вовремя обрести счастье материнства, тихих, смирившихся, не привыкших жаловаться. Таких не замечают, но они есть и в количестве, гораздо большем, чем хотелось.

Ситуация Полины была еще печальнее (ах, если б просто одиночество...): на ее глазах медленно умирал единственный близкий человек. И она ничего не могла сделать, НИЧЕГО. Только молить, чтобы физические страдания не так часто терзали безнадежно больного мужчину. Мучился он – мучилась и она. Этому не было конца. И поэтому дочь не стыдилась мысли, посещавшей ее временами: «когда это кончится – станет легче всем».

Все. Прочь депрессию!

У нее появился наконец-то повод немного отвлечься. Пугающее и восторгающее прикосновение к тайне.

Сегодня ночью она точно не заснет.

Загрузив старенький ноутбук, похитительница информации переместила в его винчестер украденное содержимое с флешки.

Глаза горели яростным любопытством. Короткий клик по таинственной папке и... упс. Для входа требуется пароль. Как же так?!

Полина хмыкнула: «А ты что думала, шпионка доморощенная, тебе все на блюдечке подадут?».

«Да, а вы не просты, уважаемая Ишим Тариэловна».

Обидно, но не катастрофа. Заядлая любительница всевозможных головоломок Полина Андреевна Шварц привыкла к трудностям. Авось – и эту вытянет. Но это потом. А сейчас есть еще один объект, требующий немедленного внимания.

Пара минут – и вот уже перед ней лежат шесть распечатан-

ных на бумаге страниц тех фото, что она сделала на смартфон.

Почему-то девушка была уверена – это вызов, который бросает ей судьба, и верное решение загадки может изменить многое.

Быстрый профессиональный взгляд – и сразу находка: последний символ внизу шестой страницы выделен полужирным, кроме того – он имеет отступ (абзац) от правого края. Все понятно – что-то, вроде «красной строки», значит, это обратное письмо – читаем справа налево, начиная с нижней строчки, все выше и выше.

Ну а теперь самое главное – расшифровка. Тут первым делом стоило бы разобраться, текст, на каком языке закодирован в транскрипте? Вполне логично предположить, что на русском. Ну что ж, с него и начнем.

Принципы дешифровки простых криптограмм довольно эффективны. Они основаны на том, что в каждом языке подсчитан процент встречаемости той или иной буквы в типичном усредненном тексте. Скажем, в русском чаще других встречается буква «О» – 10,97% случаев, затем буква «Е» – 8,45% и т. д. Для всякой литеры свой процент. Вот и все. Что делаем дальше? Тщательно пересчитываем каждый знак тайнописи и процент его доли в шифровке. Затем предполагаем, что самый распространенный символ, имеющий около 11% встречаемости – это буква «О», второй – «Е». И так 33 раза, для каждой буквы родного алфавита. Работа кропот-

ливая, но логичная и благодарная. Если все решено верно – подставляем найденные буквы вместо символов и... читаем.

Правда, в действительности не все так просто. Пример: мы знаем, что зашифрован именно русский язык, но символов в криптограмме больше 33-х. Как так? Это объяснимо: для усложнения расшифровки иногда за отдельные знаки берут точку, запятую, двоеточие и др. В этом случае приходится попотеть, но в принципе задача решаема.

Это о классических криптограммах. Но иногда шифровальщик-маньяк выбирает такие изощренные методы кодирования, складывающиеся из нескольких слоев логических ловушек (к примеру – применение последовательности Фибоначчи в фейерверке символов), что подобное решить просто невозможно.

К счастью, Полине повезло. Текст оказался классической задачей, закодированного родного языка (что неудивительно). Используя частоты встречаемости символов, она вроде бы нашла верный путь, но ничего не сходилось, поскольку из 40 видов литер, семь были лишние, мешали. Под знаки пунктуации они тоже не подходили. Девушка долго маялась, пока не психанула и просто решила игнорировать отчаянную семерку. И – о чудо! У нее получилось. Бессмысленный набор закорючек сложился в стройный текст, имеющий конкретный смысл.

Правда, прочитав его, она обомлела. В груди заворочался колючий ком. Стало страшно. Полина даже и пред-

ставить не могла, какой жуткой тайны коснулась. Ясно было только одно: их Иштар в действительности занимается совершенно не тем, о чем пишет в своих статьях.

Усталость накатила внезапно. То ли воспоминание о бывшей родственнице, то ли стресс от раскрытия тайны шифровки, то ли алкоголь, а может и все разом, подрубило сознание девушки, выключило его. Бедняга заснула еще до того, как лоб коснулся глади стола.

Она одна в центре пугающего неприглядного пейзажа. Совершеннейшая пустота. Только ровная, как стекло, голая каменистая почва до самого горизонта и сплошное, низкое, нависающее марево линялых дождевых облаков. Ни дерева, ни единой травинки.

Мелкая холодная изморозь неожиданно превращается в натуральный ливень. Она, промокнув насквозь за минуты, идет, неизвестно куда. В голове одна мысль: «так и моя жизнь: безотрадная безнадега».

Ранее твердый грунт быстро раскисает, превращаясь в глинистую слякоть. Двигаться становится еще труднее. Но что делать? Не стоять же на месте?

Вдруг она замечает вдали, какую то деталь рельефа, определенно – искусственную. Девушка ускоряет шаг. Десять минут, и она оказывается перед унылым серым православным храмом.

Не сомневаясь, она входит внутрь и замирает от восхи-

щения. Полина бывала в церквях, но такой красоты не видела ни разу. Вроде бы небольшое круглое помещение, не более 5 метров в диаметре, но все стены сплошь покрыты чудесными темными ликами буквально сочащихся незримой силой святых образов. И сверкающее золото кругом – на фигурных рельефных орнаментах стен, на окладах икон. Ее слепит чистота металла и чарует добрая магия иконостаса.

Она поднимает голову и задыхается от восторга. Кажившийся крохотным снаружи, изнутри храм простирается ввысь до бесконечности, как золотая труба, соединяющая землю с небом.

Так иногда бывает во сне – в Полину вливается сила магии, она усилием воли отрывается от пола и медленно взлетает, одновременно совершая вращение вокруг своей оси, чтобы успеть рассмотреть все. Чем выше она поднимается, тем светлее и живее являются лики, тем ярче и благороднее становится золотой узор. Постепенно, исподволь, нежданную прихожанку охватывает высочайший лучистый экстаз. Вдруг что-то словно торопит путешественницу. Скорость подъема увеличивается, становится крейсерской. Она уже не успевает любоваться окружением и вновь обращает взгляд вверх.

Боже!

Девушка почти достигла неба. Вместо купола храма искрится чистое перламутровое сияние. Оно живое и жаж-

дет встречи с ней.

На полной скорости, будто маленькая пуля в огромную копну, она влетает в это чудо света и словно распадается на молекулы, сливаясь с божественным облаком. Чувствует прикосновение чего-то великого, доброго, бдящего, как легкий поцелуй в лоб. Ее накрывает новое знание и через секунду странница получает дар – семя, которое вот-вот созреет, раскроется, и тогда изменится она сама. Она больше не будет такой... никогда!

Полина просыпается с полной уверенностью, что это был не простой сон, а нечто большее. Да, что-то случится...

Тут она понимает, что ее разбудило – звук, похожий на еле слышное трение металлических шестеренок сломанного механизма друг о друга, раздававшийся из спальни больного. Оторвав голову от стола, она все поняла: у отца опять приступ. Несмотря на страшные боли, приходящие с завидной регулярностью, он никогда не кричал, не жаловался. Только часто-часто дышал или скрипел зубами.

В таких ситуациях был только один выход – промедол⁹. Уж этого добра хватало, как ни странно. Да, ее отец работал всю жизнь, служил в одной из тех тайных сфер, о которых почти никто не знает. Когда Андрей Шварц заболел, государ-

⁹ **Промедол** – синтетический наркотик из группы морфинов, широко применяется в медицине для купирования болевого синдрома при тяжелых заболеваниях (прим. автора).

ство не бросило его, предложив лучшую клинику, лучших специалистов. Но все усилия по исцелению оказались напрасными и его выписали домой, умирать. «Контора» обеспечила бесплатную сестру-сиделку (ту самую Веру Ивановну) и адекватное количество медикаментов (включая наркотики).

Быстро помыв руки, приготовив шприц, она тихо вошла в комнату больного. Маленькая, плотно зашторенная спальня, спертый воздух, пронизанный еле уловимым духом безнадежно больного человека и в постели – ее родитель. Широкое серое лицо, тощий костяк, почти незаметный под одеялом, и глаза... неугасшие, живые, волевые. Мятущийся от боли взгляд шарит по потолку.

Понимая, что сейчас он ее не видит и не слышит, дочь приподняла одеяло и, обработав бледную кожу спиртом, ловко ввела медикамент в бедро. Раньше делала в ягодичку, но с недавнего времени старик настолько ослаб, что не имел сил повернуться набок.

Медленно массируя дряблую кожу ноги, она ждала, зная, что скоро подействует.

Боль быстро отступала. Дыхание постепенно замедлялось. Взгляд стал осмысленным. Еще минута и слабый хриплый шепот:

– Привет, синичка.

Она хлюпнула носом, вспомнив это свое детское прозвище, выдуманное папочкой.

– Привет, па.

– Ты сегодня иная. Чем порадуешь?

«Точно! Ему надо показать».

– Подожди секунду, – она метнулась на кухню и вернулась с драгоценными распечатками с переводом, – вот, посмотри.

Дрожащими руками мужчина принял бумаги.

Пауза. Минута, другая... Она вдруг со страхом подумала, что отец вот-вот заснет.

И тут:

– Однако! Где ты это взяла?

– На работе. У заведующей.

– Стащила, полагаю? – в голосе родителя не было ни грана осуждения, только ирония вперемешку с толикой гордости за дочь. – Перевела точно. Молодец. Безупречная работа, каноническая. Ни одной ошибки. Эх, тебя бы в нашу контору, малышка. Но ты же не пойдешь?

– То есть все правильно? Ты уверен?

– Абсолютно. Только не зазнавайся. Говоря по правде, криптограмма довольно примитивна. Ниже среднего. Могу объяснить это тем, что ее хозяйка, та, кому действительно есть что скрывать, по моему мнению – слишком самоуверенный человек (предположу – один из ведущих ученых), которая просто не принимает подчиненных всерьез, вот и не заморачивается особо над кодированием. Разве могла она предположить, что в ее НИИ, среди непримечательных сотрудников-плебеев бродит гениальный дешифратор

Полина Шварц? Ха-ха!

– Гениальный... скажешь тоже. А как тебе смысл письма?

– Да уж... Что-то невероятное. Бомба. Судя по всему, ты не зря рисковала. Не знаю, куда влезла моя синичка, но убежден – дело пахнет серьезной опасностью. Я бы попытался тебя предостеречь, но, опять же, уверен – не слушаешь.

– Да, пап. Я всю жизнь шла к чему-то подобному и, встретив такое... если отступлю – предам себя и тебя.

– Вижу, у тебя еще вопрос.

– Да. Мне удалось скопировать огромный блок данных (скорее всего – тоже кодированных), но он под паролем. Я понятия не имею, как подобраться.

Отец хотел что-то сказать, но вдруг закашлялся. В груди что-то клокотало, лицо медленно приобретало синюшный оттенок. С трудом подавив приступ, он прошептал:

– У тебя есть копии?

– Конечно.

– Тогда оставь это мне. Есть кое-какая идея. Промедол даст мне еще пару часов. Надеюсь – успею. А ты иди на работу, пора уже. Слышишь, Верочка пришла. С Богом, сегодня твой день!

7.

Как только она вышла на улицу, задохнулась от девственно-чистой красоты преображенной природы. Все кругом было припорошено тонким слоем первого снега. Его легкое

ватное одеяло покрыло деревья, крыши, заснувшие с вечера авто, тротуары. Только на проезжей части, под колесами непрерывного потока снежная масса быстро превращалась в отвратительную грязно-серую жижу.

В слабом теле невзрачной девушки неожиданно начало разгораться пока еще непонятное, но совершенно неконтролируемое чувство. Что это? Протест, злость, гнев на судьбу, может – все сразу? Трудно сказать, но это нечто зрело долго, как хронический гнойник и вот – прорвалось лавиной пугающих непривычных эмоций, заставляющих почувствовать жизнь полной грудью. Но вот что удивительно – Полина нравилась себе такой, и что-то подсказывало, что иной она уже не станет, просто не сможет. Девушка словно проснулась, увидела мир другим, ярким, приветливым, многогранным, ликующим. И в этой восхитительной иной вселенной просто не было места прежней жалкой серой мышке.

Что-то мельтешит на грани сознания, какая-то мысль.

И тут она вспомнила – сон, точнее – знамение. Встроенный триггер¹⁰ сработал, дарованное зернышко созрело, раскрылось, превратило ее в нечто большее. Навсегда!

В НИИ она не пошла.

Зайдя в ближайшее кафе, выбрала столик у стены-витрины, заказала капучино. С наслаждением пила ароматный напиток, бездумно улыбалась и любовалась сквозь стекло на крупные шестигранные снежинки, медленно кружащие

¹⁰ **Триггер** – в данном контексте – пусковой механизм (прим. автора).

в воздухе. Загнанные суетливые прохожие шли куда-то, спешили, не замечая того, что мир перевернулся, стал другим. Что взять с них? Наплевать.

– Желаете еще чего-либо? – вновь подошедший стройный официант дружелюбно смотрел ей в глаза.

– Нет, спасибо, – она улыбнулась и, о чудо, парень широко улыбнулся в ответ.

– Тогда – приятного отдыха.

Девушка была в шоке. Впервые в жизни симпатичный мужчина ответил на ее улыбку. Словно распираемая извне, она преображалась не только внутренне, но и внешне. Подбородок вздернулся, плечи расправились, грудь поднялась. Она снова улыбнулась и метнула взгляд в настенное зеркало. Из противоположного антимира, по ту сторону стекла на нее смотрела миловидная молодая девица. Не красавица, конечно, но и не то убожище, каким она привыкла видеть себя постоянно. Как она могла измениться настолько? Неужели мир действительно субъективен и ее внешность, в первую очередь определяется собственным настроением, позицией, самоощущением?!

Четверть века стоило ей прожить робкой забитой девочкой, чтобы понять эту прописную истину.

Опьяненная новой открывшейся жизнью, ее возможностями и перспективами, она наслаждалась окружающим, впитывала его, словно попав в другое измерение. А когда сидевший у входа парнишка вдруг игриво подмигнул ей, По-

лина чуть не лишилась чувств от нахлынувшего трепетного смущения.

Новая ослепительная приветливая вселенная обнимала ее, и девушка отвечала взаимностью.

Игриво встряхнув волосами, она поняла, что отныне сегодняшнее число, 26 декабря – ее новый день рождения.

Даже гнетущее ранее осознание близкой кончины предка сейчас не пугало ее. Словно некий бесплотный ангел шепнул, что это жизнь, такова она есть и что умирающий отец был бы счастлив оставить дочь в этом мире именно такой, какой она была сию минуту.

«Да. Теперь я другая, папа и мне это нравится. Такой и останусь, что бы ни случилось. Клянусь!».

Вдруг накатило. Она словно прикоснулась к чему-то иррациональному. Изнутри нахлынуло и тут же откуда-то пришло понимание: «папы больше нет». Ангел не уходил, она слышала его шепот: «Крепись, ты поклялась. Ради его памяти ты должна сдержать слово».

«Да», – она вскинула голову, тряхнув волосами, и слегка улыбнулась, – «так и будет».

В глаза хлынула искристая влага, и слезы брызнули по щекам. Улыбка стала шире: «Прощай, папочка. Ты видишь, какая я теперь? Я всегда буду помнить тебя. Будь уверен, я никогда не стану прежней».

В ту же секунду зазвонил телефон. Из трубки просипел заплаканный голос Веры Ивановны:

– Поленька, милая, тут такое...

– Поняла. Скоро буду.

Дома ее встретила бригада неотложки, растерянная сиделка и незнакомый человек в штатском.

Молча, не обращая внимания на окружающих, хозяйка прошла в комнату отца. Да, чувства не подвели, Андрея Соломоновича Шварца больше не было среди живых.

Первая крамольная мысль: «отмучился».

Говорят, люди меняются после смерти. Но, если смерть терзает человека месяцами, выпивает из него жизнь, каплю за каплей, то посмертных изменений практически не видно, они произошли еще при жизни. Так было и с ее родителем.

«Лети, папочка, лети. Тебя ждут наверху».

Медики закончили суетиться около тела, занялись составлением каких-то документов.

– Как это было? – шепнула она сиделке.

– Тяжело кончался, родимый. Сначала скрутило. Вызвали «скорую», врачи констатировали клиническую смерть. Думали – все. Но тут Андрей Соломонович пришел в себя, попросил листок и карандаш и стал что-то писать. Потом дал мне бумажку со словами: «передай Поле, обязательно!». Несколько раз повторил, сердешный. А еще через пару минут отошел окончательно. Да, вот она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.